

Зарина
Канукова

Зарина
Канукова

ТОНКИЕ СВЯЗИ

стихотворения

Перевёл с татарского
Георгий Яковлевский

Нальчик: "Эльбрус" - 2009

УДК 821.352.3-1
ББК 84(2Р-Каба)
К 198

Канукова Э. С.

К 198   Тонкие связи: Стихотворения /Пер.
с кабардинского Г. Яропольского. –
Нальчик: Эльбрус, 2009. – 176 с.

ISBN 978-5-7680-2235-8

В книгу вошли лирические стихотворения кабардинской поэтессы Зарины Кануковой в переводах Георгия Яропольского.

**УДК 821.352.3-1
ББК 84(2Р-Каба)**

- © З. С. Канукова, 2009
- © Г. Б. Яропольский, перевод на русский язык, 2009
- © Издательство «Эльбрус», 2009

ISBN 978-5-7680-2235-8

НЕ ТАМ, ГДЕ ТОНКО, РВЕТСЯ

Есть тонкие властительные связи
Меж запахом и контуром цветка:
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

В. Я. Брюсов

Хотя силы тяготения суть самые слабые из фундаментальных сил природы, они действуют на больших расстояниях и – в космических масштабах – являются самыми важными.

Физическая аксиома

1. В дебрях дефиниций

В чем состоит разница между поэтом и не поэтом? Самый правильный ответ – ни в чем, самый неправильный – в том, что поэт, в отличие от иных смертных, сочиняет стихи. Но существуют и варианты, очень много вариантов, некоторые из которых достойны особого внимания, если мы собираемся читать эту, в частности, книгу Зарины Кануковой.

Во-первых, З. Канукова (или ее лирическая героиня, если угодно) лишь отчасти

пребывает в земном, материальном мире, «данном нам в ощущениях», равно как и в конкретном, «текущем» мгновении. Не зная ограничений ни в пространственном, ни во временном плане, она с легкостью принимает в свой мир совершенно недоступные другими способами участки вселенной, хотя и нельзя утверждать, что ей это однозначно в радость:

*Что за пора пришла?
Скажите, Бога ради!
Невидимую грань
я вдруг пересекла:
что было впереди,
теперь осталось сзади,
смотрю с той стороны
зеркального стекла.*

Во-вторых (что, впрочем, тесно связано с первым), Э. Канукову не меньше (если не больше) занимают события в собственном духовном мире, нежели то, что происходит вовне. Она не из тех, кто пишет на злобу дня, не из тех, кто воспринял призыв писать лишь о том, что доподлинно знаешь, и в равной мере чужда как бытописанию, так и декларативности:

*Довольствоваться окомом,
который виден наяву?
С мирком расставшись законным,
на встречу с вечным и огромным
я в сновиденьях уплыву.*

В-третьих, она обостренно ощущает свое родство со всей вселенной, что опять-таки

было бы невозможно, если бы не выполнялись первое и второе условия:

*Едва пробудившись, заходятся в зове
лесистые горы вокруг,
а я откликаюсь, ведь жизнь наготове,
живое живому есть друг.*

*Да, жизнь в моих венах вот так же струится,
как в жилках скалы и листка,
подернута рябью из строчек страница,
как озеро или река.*

*К себе приникая внимательным слухом,
застыла вселенная вся.
Я – часть этой силы, близка с нею духом,
мир вместе со мной родился.*

Сей перечень можно было бы продолжать и продолжать, но мы завершим его вот каким постулатом: в отличие от тех, кто сочетает в себе все поименованные выше признаки, занимаясь, к примеру, углубленной медитацией, З. Канукова еще и (в соответствии с «самой неправильной» дефиницией поэта, предложенной нами) *пишет стихи*, в которых эти признаки присутствуют явно, вербально:

*...Стремясь припасть к души истокам,
ее могу и потерять...
Чтоб не пропасть в бою жестоком,
все то, что вижу третьим оком,
словами заношу в тетрадь.*

Духовидческие странствия З. Кануковой отнюдь не уводят ее из мира, тем самым его обедняя, – они, напротив, пред-

принимаются ею для того, чтобы обогатить своих читателей новыми картинами мира, поделиться с ними небывалыми ракурсами и акцентами. Ее очень волнует, дойдет ли ее слово до адресата:

*Напишу ли стихи, чтоб читались легко?
Иль одной жить средь этих забубрин?*

Плоть слова, его жизнеспособность – эти моменты для Э. Кануковой имеют большую важность, но не столько сами по себе, сколько в плане того, насколько они способствуют передаче генерируемых ею смыслов и чувств. И здесь вполне уместно вспомнить утверждение У. Йейтса о том, что «литература создается, дабы облечь плотью слова некий строй чувств, подобно тому, как тело облакает незримую душу».

2. Слабые силы, тонкие связи

Продолжим цитату из У. Йейтса: «Все, что можно увидеть, измерить, объяснить и понять, все, чего можно коснуться, о чем можно спорить, – для художника, наделенного даром воображения, – лишь средство: он принадлежит жизни незримой, являя нам каждый раз ее новое – и все же древнее – воскресение».

Незримая жизнь – это именно то, что в наибольшей мере занимает Э. Канукову, однако при этом следует иметь в виду, что ее творчество нацелено как раз на преодоление такой незримости. Разбирая мир,

она собирает его заново, по законам, распознанным в области незримого:

*Мир снова хаотичен, груб и сыр,
в нем не найти гармонии зачатков.
...Я заново вяю этот мир –
и не скрываю пальцев отпечатков!*

*Дрожит земли поверхность под стопой,
вибрирует и форму обретает –
она, как я, желает быть собой,
а лед на то и лед, что вновь растает.*

*Созвездья, сквозь мои пройдя зрачки,
сияют несказанной новизною;
вселенная, из-под моей руки
чуть выбравшись, знакомится со мною.*

К. Кедров заметил как-то, что философия являет собой частный случай поэзии, а у этих заметок два эпитафия: первый взят из поэзии, второй – из физики, и такая последовательность неслучайна: уж если философия мыслится подчиненной по отношению к поэзии, то к физике это относится в еще большей мере, ибо физика есть частный случай философии. З. Канукова занимается исследованием самых слабых сил и самых тонких связей между явлениями как материальной, так и ментальной сферы, и, по-видимому, на них вполне можно распространить аксиому о силах гравитации и устанавливаемых ими связях: они являются самыми важными в масштабах духовного космоса.

Поэтому, оспаривая верность пословицы, согласно которой «рвется там, где

тонко», можно утверждать, что тонкие иератические связи суть самые прочные в мире. Прозревая их, З. Канукова полна решимости распространить радиус их действия на читателя, но при этом в полной мере осознает небывалую сложность такой задачи:

*По чьим путям плутаю я сегодня?
Чье умиротворение сейчас
изгибами души бежит привольно,
невысказанной радостью лучась?*

*Я обмираю – так все это тонко...
Но время истекает, словно кровь, –
как будто нерожденного ребенка,
теряю, что открылось, вновь и вновь...*

Здесь, между прочим, очень точно воссоздаются эмоции, сопутствующие подлинному (а не имитируемому) творческому акту: проникая в области, где до тебя (как бы) никто не бывал, забываешь слова, их для тебя нет, и для того чтобы выжить в этом нематериальном огне, необходимо придумать их заново.

*Как будто разом тысячи побегов
во мне вдруг обрываются опять...
Душа, ожогов досыта отведав,
никак не хочет пламени унять.*

*К тому, что окружает, равнодушна,
ни звука даже не произнося,
я знаю: мне теперь к бумаге нужно...
Лишь на нее теперь надежда вся!*

3. Канукова пускается в рискованные странствия, готовая к противоборству с косной материей, не желающей воссоздаться по ее правилам, и к необходимым для этого затратам духовной энергии. Ее ведет интуиция, но одной интуиции, чтобы не только вернуться из творческого лабиринта, но вернуться, так сказать, с добычей, с самостоятельно обретенной истиной, мало. Здесь требуется и огромная вера в себя:

*Как хочу,
все, что видится мне, назову,
как хочу,
так слова и расставляю.
И во сне они служат мне,
и наяву,
все вбирая –
восторг ли, растрыву.*

3. Блог для Бога

Одно из наиболее распространенных ныне в Интернете слов – блог – появилось как таковое 17 декабря 1997 года. Сегодня количество людей, пожелавших вести свои дневники в глобальной сети, исчисляется миллионами. Блоги являются не только средством самовыражения пользователей, но и источником новостей из горячих точек на планете, средством альтернативной журналистики и источником редкой информации...

Почему об этом вспомнилось? Да потому, что понятие, выражаемое этим нео-

логизмом, существовало испокон века – с тех пор, как возникла лирика. Собственно говоря, любое подлинно лирическое стихотворение может рассматриваться как запись в блоге – в той мере, в какой тому и другой свойственны молитвенные искренность и откровенность.

С этой точки зрения книгу З. Кануковой можно было бы назвать «Блог для Бога»: мы допущены к ее чтению, но чувствуем при этом, что она обращается к нам через посредство неких высших сил, которые пробуждаются в ответ на ее речи, обращая при этом внимание и на все остальное человечество, как ни патетично это звучит. Вот одна из таких ее записей:

*Стрелки часов
ход вершат, не спеша...
Там, где нет слов,
запутала душа.*

*Там – только Бог,
букв не знающий звук...
Кто ж ей помог,
кто избавил от мук?*

*Разница ль – кто,
коль она в небесах?!
Словно пальто,
вещность брошена в прах...*

*Как ей легко!
Так могла бы и я...
Пусть – далеко,
но она же – моя?!*

Автор вместе со своей «лазутчицей» – душой – прорывается к ангельскому све-

ту, беседует с ним, и тот становится в итоге ее собственным, ретранслируясь затем и на нас, читателей и соучастников. При этом З. Канукова прекрасно отдает себе отчет в том, что ретранслируется далеко не весь уловленный ею свет – часть его неизбежно теряется при отражении:

*Видя россыпи звезд золотые,
понимаю сполна:
я храню свое солнце в затылке,
а лицо – лишь луна.*

Однако же и за такой ответ нам, читателям, следует быть благодарными. Всегда надо быть благодарными – за свет. Он того стоит.

4. Обойдемся без тостов

Но очень не хотелось бы сбиваться на принятую в жанре предисловий, да и в так называемой благосклонной критике вообще, манеру, роднящую их с застольными здравицами. Это тем более неуместно, когда пишешь об авторе, которого сам же и переводил. Поэтому обойдемся без тостов, но не откажем себе в удовольствии цитирования особенно нравящихся строк (кажется, Б. Пастернак утверждал, что именно такое удовольствие и лежит в основе написания рецензий?):

*Воспоминанье о со мной не бывшем,
ты поводьрь мой в жизни и судьбе:
одной обидой блеклоу мы дышим,
стихи свои я черпаю в тебе.*

*Вспоминанье, будущего завязь,
на доньшке сознания ты живешь,
но, до конца никак не раскрываясь,
терзаешь и загадкой душу рвешь.*

*Вспоминанье... хоть ты мне знакомо,
описывать тебя мне не дерзнуть.
Все могут различить раскаты грома,
но молнии никто не знает путь.*

Такие стихи совершенно бессмысленно как-то комментировать – они все за себя говорят сами. Что, несомненно, признак успеха.

5. Струны между землей и небом

3. Канукова отнюдь не разводит между собой небо и землю, огонь и лед, день и ночь, – напротив, так или иначе обозначая дихотомию мира, выявляя в нем противоположные начала, она всегда пытается объединить их в едином пространстве. Характерно в этом отношении и стихотворение «Лестница к Богу»:

*Кто выстроит лестницу мне,
чтоб я могла встретиться с Богом?
Мой взгляд воспарил к вышине,
тоскуя по новым дорогам, –*

вертикальная устремленность этих строк сродни готической. Эти строчки могли бы стать эпиграфом ко всей книге.

Вообще говоря, это стихотворение должно, конечно, прочитываться в более ши-

роком контексте. Если сравнить его со следующими строками автора:

*Этот мир, как ничто, моим сердцем любим,
хоть в другие я часто летала...
Почему он так верен законам своим?
Кто его сохраняет лекала?*

*Ах, как славно живут те, кого никогда
не тревожат такие вопросы!
Но доходят до слез – вот какая беда –
те, кого они жалят, как осы, –*

то становится совершенно очевидным, что героиня З. Кануковой не то что не «чужая в подлунной пустыне», но и является одной из тех, кто привносит в эту «пустыню» (населенную, по большей части, теми, кого вообще никакие вопросы «не жалят») оазисы небесного света.

6. Точки пересечения

Переводчик не может в полной мере служить книге, если у него нет точек пересечения, соприкосновения с автором. По счастью, в отношении З. Кануковой мне удалось обнаружить множество таких точек пересечения.

*Где ведется за счастье сраженье
в плеске каждого дня,
грай вороний и ангелов пенье
увлекают меня, –*

эти строки сразу же напомнили мне мои собственные: «рев реактивный и ангелов пе-

ные / смешаны в этой странной пьесе» или «зубовный скрежет / и пенье ангелов одновременно / и поровну содержат децибел».

Когда же речь зашла о единстве земного и небесного, то многое стало мне понятным через призму своего стихотворения «Задача»: «Поэт – канат меж звездами и прахом. / Свести их вместе – цель его искусства. / Дрожат канаты... Думаю со страхом: / что будет с нами, если перетрутся? // Какая доля – собственной спиной / хрустя, без ожидания награды, / натягиваясь скорбною струною, / сводить одноименные заряды!».

Таким образом (хотя переводчику понятливость должна быть присуща по определению), работа над текстами З. Кануковой одновременно и облегчалась (в силу того, что мне близки многие ее смыслы), и осложнялась (в силу того же самого, потому что здесь отсутствовала та доля отстраненности, которая позволяет обходиться простыми версификаторскими навыками).

7. Принципы перевода

Прочувствовав смыслы, пронизывающие стихи З. Кануковой, я оказался примерно в том же положении, что и она: мне необходимо было с помощью слов воссоздать ее – свои – прозрения, осуществленные в области вне слов. Невидимое (см. первый эпиграф к этой заметке) предстояло «огранить» русским языком и «оживить».

Принципами перевода этой книги ста-

ли: а) стихотворческий инстинкт и б) свободное балансирование между текстом и подтекстом.

Следование стихотворческому инстинкту предполагает интуитивный выбор строфики, ритмики и способов рифмовки. На мой взгляд, этот принцип перевода наиболее плодотворен, так как свободен от крохоборства формальных признаков и обращен непосредственно к поэтической сути. Ни для кого не секрет, что в разных языках те или иные стихотворные размеры обладают различными, порой совершенно несходными семантическими ореолами, поэтому точное следование форме оригинала иногда не может не навредить, в то время, как инстинкт (если, разумеется, таковой есть) позволяет найти наиболее адекватную для языка перевода форму, воплощающую переводимое содержание.

Взаимообмен между текстом и подтекстом (который порой бывает вынужденным, обусловленным «возмущающим воздействием» рифмы) основывается на уместности/неуместности тех или иных семантических компонентов (и только в трех случаях автор обратила мое внимание на использование несвойственных ей образов, за что я ей очень признателен). Чтобы не углубляться в теорию, приведу один небольшой пример:

*Бжъыхъэ,
сыту сф1эф1 уи лъэ макъ щабэ къыслъэщ1ыхъэр.
Бжъыхъэ,
согъэщ1агъуэ къызэщ1эр сыздэщ1ыэр.*

Оригинал

*Осень,
как же я люблю догоняющий меня тихий звук твоих
шагов.*

*Осень,
я всегда удивляюсь тому, что ты догадываешься,
где я нахожусь.*

Подстрочник

*Осень,
как люблю я тихий звук твоих шагов,
что впотьмах спешат за мною!*

*Впрочем,
удивляет, как находишь ты меня
даже и за пеленою...*

Перевод

Возможно, это не самый показательный случай, но и здесь можно видеть, как вплетаются в текст перевода извлекаемые из подтекста семантические компоненты («впотьмах», «за пеленою»), как меняется стиховая размерность, воссоздавая при этом настроение оригинала. Так сказать, приближаясь за счет отдаления.

Для себя такой способ перевода я обозначаю как актерский – в противоположность чисто филологическому. Он одновременно и проще (за счет того, что ему присуща определенная степень свободы), и сложнее (так как требует глубинного вживания в образ переводимого автора). По существу, в этой книге я сыграл роль Зарины Кануковой, и это одна из наиболее оберегаемых мною ролей.

Георгий Яропольский

Devi's and her

---

* * *

По прямому пути я зигзагом пройду –
таково мое, видно, устройство.
В полный рост поднимусь я себе на беду,
пусть вокруг голосили бы: «Скройся!»

А дороги, по коим пройти не дано,
так похожи на лезвия бритвы!
Хоть и это, увы, я познала давно,
мы с душой не пугаемся битвы...

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Оставь словесные потуги –
ведь с языка сойдет лишь ложь.
Душе доверься, как подруге,
с ней побывай в небесном круге –
вслух тайн тех не произнесешь.

В душе клубится, что правдиво,
но правду тут же застит ум.
Чтоб с истиной не знать разрыва,
словами не бренчи кичливо –
противен ей словесный шум.

Приметы правды тают вместе
со звуками твоих речей.
Не надо ей подобной чести,
превознесения и лести –
небесный свет всегда ничей.

Довольствоваться окоемом,
который виден наяву?
С мирком расставшись законным,
на встречу с вечным и огромным
я в сновиденьях уплыву.

...Стремясь припасть к души истокам,
ее могу и потерять...
Чтоб не пропасть в бою жестоком,
все то, что вижу третьим оком,
словами заносу в тетрадь.

---

* * *

Чье благо или же чье зло
ложится на мою бумагу?
Тому, что бьет рассвет в стекло,
я злу обязана иль благу?

Незримой стану, ты – ясней.
Мы взоем к небу легким дымом.
К чему томленье стылых дней?
Я четче стану, ты – незримым.

Вот сердце. Посмотри в лицо.
Ошиблась ли в единовеце?
Мои слова – тебе кольцо.
Вглядись в лицо... Возьми же сердце!

Чье благо или же чье зло
вливает в сердце мне отвагу?
Тому, что было, да прошло,
я злу обязана иль благу?

Коль благо подминает зло,
грядет неотвратимость шага...
Во мраке будет мне светло,
когда и зло пойдет во благо!

---

* * *

Хоть и зренье остро́ –
различить не могу,
хоть и чуток мой слух –
меркнет звук в отдаленье...
Сердце мчит по тропе,
голоса на бегу,
а душа отстаёт,
спотыкаясь в смятенье.

Сквозь лесное «ку-ку»
детства слышится грусть...
Как бы кто ни твердил:
«Время кануло о́но», –
все мне кажется, что
я к нему прикоснусь:
между прошлым и мной
так ничтожна препона!

Жизнь с надеждой сложив,
получаю итог,
что слагаемые
превышает намного,
но вот голос того,
кто сейчас так далек,
не дано мне внести
в полновесность итога.

---

* * *

Как нелепо прожит день,
что останется в веках!
Суматоха, дребедень...
Только звон один в висках.

Он так много обещал,
этот день, сиянью глаз!
Но – разбита о причал
лодка и на этот раз...

Если ж фразу или жест
различу на пене лжи,
на любви поставить крест
впору... Впору ли? Скажи!

ДЕНЬ И НОЧЬ

День, что вечно стремится к закату,
и луна, что живет как во сне,
проясните мне вашу загадку:
что за путь вы замыслили мне?

Поспешим-ка во время, подруга!
Пусть в нем лестница так непрочна, –
не волнуйся, чурайся испуга...
Если б знала ты, как мне нужна!

В том, что смутно привидится, – сила,
жизнь по ниточкам к небу ведет...
Только веки ты вновь опустила,
и опять твое сердце как лед.

Но в душе – все, что было когда-то,
пусть имен мы хранить не вольны.
Дню вовек не избежать заката
и не скрыть легкокрылой луны.

РАЗРЫВ

Утраты, утраты –
вслед страсти недавней.
Покинул меня ты,
уостав от метаний.

А может, хотела
сама я разлуки?
По контурам тела
скорбят еще руки.

И, как над жаровней,
лицо мое рдеет...
Но путь есть духовней,
и мной он владеет!

---

* * *

Кто я такая, чтоб себя судить?
Саму себя я бичевать не смею,
но новая вплелась мне в душу нить,
и я не знаю, что мне делать с нею.

То, что семь раз со мной произойдет,
лишь раз, вконец намаявшись, запомню.
Перед глазами – то, что только ждет,
где полночь вдруг уступит место полдню.

Но это – призрак. Торжествует ночь,
и капанье воды царит над миром.
Невнятицы в душе не превозмочь,
увязнув в этом долгом звуке сиром.

Куда ж тебя зовут, моя душа?
Кому теперь потребна ты так сильно?
Из-за кого ты бьешься, чуть дыша,
над тайнами, что множатся обильно?

Чтобы понять, чего недостает
моей душе, и жизни будет мало.
То ль я от мира вырвалась вперед,
то ли сама давно уже отстала.

Не знаю, сын ли, дочь, но у меня
дитя вдруг появилось ниоткуда,
и я во снах, что много четче дня,
узреть черты хочу такого чуда.

Вопросов столько, что теряю счет,
забыв и то, когда же он повелся.
Невысказанность и саму гнетет,
и чье-то навлекает недовольство.

Опять встают загадки на пути,
я снова в их ловушки угождаю.
Душа моя, прошу, не отпусти,
к просвету проведи – хотя б по краю!

Надеюсь, время все преобразит,
даст разгрести осколков скальных груды,
а если бессловесность поразит,
казнить себя, конечно, снова буду.

Но верю в то, что это не навек,
что доведется мне услышать голос:
«Раскрой глаза и посмотри наверх –
тогда поймешь, за что всю жизнь
боролась».

---

* * *

Сегодняшний мой день
вчерашним завтра станет,
пока же предо мной
он открывает дверь...
Меня, мой день, к тебе
сбежать с крылечка тянет –
во всем, что скажешь ты,
нуждаюсь я, поверь.

Минута, миг один,
летучее мгновенье –
неужто эта жизнь
из снов лишь состоит?
Оставлены следы,
и что им дуновенье
каких-то ветерков?
Их вечность охранит.

Мне души изучать
тропинками ошибок
назначено судьбой,
и я хочу сама,
чтоб сотни долгих лет
задумчивых улыбок
девической тоски
пугалась даже тьма.

Взгляд в прошлое я шлю,
чтоб разглядеть, где выход,
и вижу в нем себя,
к тому же не одну,

а то, чему свой век,
горя над миром, мыкать,
успело искупить
уже свою вину.

Отдушина, совет –
день новый ими начат.
На звуки зовов жизнь,
как есть, расслоена.
С утра опять навзрыд
вселенная заплачет,
к полудню же, устав,
умолкнет и она.

Прошу, мой новый день,
вчерашний день для завтра,
ты прошлое мое
храни от пелены.
Я тороплюсь к тебе,
пришедшему внезапно, –
ведь в облике твоём
свои я вижу сны.

---

* * *

В реке я вижу все: и твой портрет,
и прошлое мое – сплошной обман.
Душа моя фальшивый ловит свет,
ей нравится нырять в цветной туман.

Старательно исследую тот мир,
в котором, жмуря веки, я живу, –
поддельных красок разлитый пир,
раздолье сновидений наяву.

Казалось бы, обтрепанный лоскут,
но, вроде с неба сыплющихся манн,
меня мгновенья шальные влекут,
творящие невидимый обман.

Он, даже если вырвусь из него,
всегда и под землей меня найдет.
Огня ли в этом скрыто торжество?
Иль празднует победу ныне лед?

Мир кружит, что твое веретено,
и разматывает на песке следы.
Твои слова с несбывшимся – одно.
Как раньше, не боюсь уже воды.

Мне своей сути от нее не скрыть...
Меняюсь я – надеясь на успех,
душа былую обретает прыть
и слезы льет, затем впадая в смех.

Но, всем обманам мира вопреки,
та песня мне по-прежнему слышна,
что взята мной у берега реки,
которая любви моей полна.

ПОСПЕШНЫЕ СТРОКИ

Опять сгребаю черепки...
Разбитый второпях, с насока,
кувшин наполнить не с руки –
еще так мыкаться мне сколько?

Пролиты тайны бытия,
добытые воображеньем, –
от слов невысказанных я
страдаю головокруженьем.

Когда гремит в ночи гроза,
я ей, как подобает, внемлю;
в иную ночь мои глаза
дают с Луны увидеть Землю.

Тогда, смеша людей, спешу –
так от открытий мне нейдет, –
но в строчках тех, что я пишу,
прискорбно мало остается.

Как совместить огонь и лед?
Прозренье пауза бесчестит.
Тот, кто возвысился, падет,
кто сдерживался, тот исчезнет.

Хранить невозмутимый вид,
секреты выведав, нет мочи.
В который уже раз глядит
Вселенная мне прямо в очи?

---

* * *

Неумелая? Или хоть что-то
мне удастся? Ну да, может случиться...
Капитан самодельного плота,
я тебя пригласила кататься.

Но едва лишь отчалили, тотчас
уяснили: плот выстроен наспех.
Вот плывем мы, испуганно морщась, —
поднимают нас окуни на смех.

Кто же знал, что все так обернется!
Нет, Нептуна совместно бояться —
не забава для взрослых. Мой боцман,
нам, быть может, пора возвращаться?

Так ли важно, что море безбрежно?
Ведь тебе на асфальте привычней —
ты другим сообщаешь небрежно:
«Я — такой же, как все, я — обычный».

Да, в обыденность, словно бы в кокон,
норовишь ты уйти со старанием,
но поверит ли этому окунь —
тот, чьи жабры копьём ты поранил?

---

* * *

Если солнце садится,
то, что ты есть на свете,
не дает заблудиться,
угодить в чьи-то сети.

Если пламя заката
душу мне опалает,
то душа, словно брата,
лишь тебя восхваляет.

Углей жаркая залежь
в пепел вмиг обратится...
Только ты и спасаешь,
если солнце садится.

---

* * *

Ты словом одним упираешься в землю,
другим же возносишь меня к поднебесью...
Посланник чудесного, так тебе внемлю,
как если бы Ангелы пели мне песню!

Узнаю тебя – быть душе ли в покое?
А может, не знать тебя было бы лучше?
Что ты в этом мире, скажи мне, такое,
какие тебя ниспослали мне кущи?

Влечет меня тайна, сказать не стесняюсь,
и я в твои очи глядеть научилась.
Когда я смотрю на тебя, то меняюсь,
и, кажется, жизнь гнев меняет на милость...

---

* * *

Надежда – что свет
для робкой души.
Устав от всех бед,
уйти не спеши.

Жизнь очень сложна,
кричи, не кричи,
но все же дана
надежда в ночи.

Надежда – что ключ
к темницы вратам...
Пусть мир наш колюч,
ее не отдам!

Душа моя, ты
откуда пришла?
Дитя темноты?
Надежда – светла.

Она озарит
грядущий твой путь,
ты, плача навзрыд,
о ней не забудь...

---

* * *

Устлали камни дно моей души,
на каждом – имя высечено. Это
твое, конечно, имя.

Тяжело
настолько, что и вздох с трудом дается.
Кого винить, что так произошло?
Тебя – не смею.
Вероятно, Бога?

Его забыв, тебя стократ возвысив,
в немилость впала я...
Вот в чем все дело.

Весь круг Кавказских гор, всегда готовых
на пальцах станцевать передо мною,
застыл, когда услышал лишь намек
на чувства те, что жгут меня и плавят.
У всех мгновенно дрогнули сердца.

Лишь ты не понимал и говорил мне:
«Ну что ты... да развейся чем-нибудь...»

---

* * *

Все ложью представляется: и чувства,
и боль, что до конца не рассказать.

Мне свойственно исследовать дотошно
твои слова и то, что между слов,
чтоб обнаружить правду.

Может, в этом
моя ошибка главная? Не знаю...

Тебя то возвеличиваю слишком,
то обличаю и во всем виню.
И вот уже всю душу покрывают
мне отпечатки пальцев притязаний...

Я, знаешь, склонна к преувеличениям —
таков уж мой характер.
Ничего
уже я с этим не могу поделаться.

И вот вопрос:
люблю ли я тебя?

СПУТНИК

Как избавиться от маеты?
Занесло все дороги пургой...
Моим спутником будешь не ты,
моим спутником будет другой.

Привыкая к потерь череде
и твердя: «Не сойти бы с ума...» –
я блуждаю по улицам, где
не успели достроить дома.

Их пустые глазницы следят
за усталой походкой моей,
и, как спички горелые, – ряд
фонарей вдоль закрытых дверей.

Голос друга – не думай, не твой –
иногда вроде слышится мне;
он хранит меня, теплый, живой,
но – чужой в этой он стороне...

Не гадай – что случилось со мной?
Извини, мне неведом ответ.
Серость стен занесет белизной,
только вновь их изменится цвет.

Точно так же – и краски в судьбе,
и «теперь» не сравнится с «потом»...
Что с того, что привыкла к тебе?
Посмотри – я жалею о том.

Моим спутником стать ты не смог,
что же толку в сердечной волшбе?
...Только улиц лукавый клубок
меня снова приводит к тебе!

---

* * *

Прошу: давай с тобою жить в одном
и том же мире. Я так рада,
что этот век мы делим день за днем.
И мир делить нам тоже надо.

Тебя лишь вижу спутником своим.
Хочу, чтоб ты, мой взор встречая,
светлел лицом, прогнав печали дым,
чтоб жил, во мне души не чая.

Тебе ведь тоже было б по душе,
чтоб с теплотой произносила
я твое имя, близкое уже
настолько, что, как солнце, мило.

В том времени, в котором мы живем,
единый мир найти нам надо;
пускай же век войдет в наш общий дом,
как наша общая награда.

---

* * *

Под водой донесу свою душу
до тебя – пусть там воздуха нет,
но лишь там она выйдет на сушу,
где горит твой спасительный свет.

А по воздуху – нет, не решаюсь:
вдруг развеется, не долетев?
Вдруг какая-то мелкая шалость
навлечет на нее Божий гнев?

Где б ты ни был, душа моя знает,
что́ с тобой, мой родной человек.
Ей ни зной не помеха, ни наледь –
связь незыблема. Это – навек.

---

* * *

От любви – до ненастья,
от успехов – к невзгодам...
В ожидании счастья
год проходит за годом.

Жизнь – то раем, то адом,
то бугром, то горою...
Счастье здесь, оно рядом –
чувет сердце порою.

Между глубиью небесной
и ладонью земною
по тропе неизвестной
путь лежит предо мною.

Ощущаю ночами,
кто его пролагает,
кто сквозь беды-печали
мне идти помогает.

Не дает торопиться,
оступилась – поддержит...
И все дальше граница
в далях дымчатых брезжит.

Сколько дней уже кряду
я шагаю неробко?
Представляется взгляду:
к небу тянется тропка.

Все, что ранит, пусть канет,
пусть уйдет все, что затхло.
То мерцанье, что манит,
называется «завтра».

---

* * *

Жгу одежды, что осквернены
теми мыслями, что рождены
торопливым уходом твоим...
Да развеется дым!

Свыклась с тем я, что произошло,
мне свободно теперь и светло,
не надейся, забывчивый друг,
что я гибну от мук.

Ты, чей пыл так внезапно угас,
сам болеешь, наверно, сейчас,
а слова твои – дьявольский яд –
самого и язвят.

И не думай, что ежели ты
своим сердцем, где скисли мечты,
позовешь меня вновь за собой,
твоей стану рабой.

Ни за что! Я останусь верна
прежним чувствам, испытан до дна, –
пусть теперь я свободна от них,
пусть их голос затих.

Платья те, что ты видел на мне,
уничтожила в яром огне.
Сшили новые мне на заказ,
их ношу я сейчас.

ТОЛЬКО И ВСЕГО

Не плачу, не рыдаю я, а просто
пожаловаться хочется немного.
Пожаловаться —
только и всего.

Коль кто-нибудь когда-нибудь сумеет
изобразить, в каком я состоянье, —
как много те поймут, кому предстанет
изображенье это!

Ты один,
из-за кого я просто пропадаю,
увы, не понимаешь ничего.

Но даже и теперь не осуждаю
тебя я. Нет, ни в чем ты не виновен.

Ты в воздухе мне видишься —
тропою, не пройденною мною до конца.

Дай знать мне, коль дела твои пойдут,
как хочется тебе...

Я, улыбнувшись,
шагаю дальше.
Только и всего.

---

* * *

Снег весной
обостряет о солнце тоску.
Что со мной?
Снег мне хочется вправить в строку.

Кто он мне?
Что он шепчет, о чем говорит?
По весне
он до срока пройтись не велит.

Год ведет
он к концу*, но его не виню.
Снег идет...
Погоди, я тебя догоню!

Я тебя
в осторожной строке воскрешу:
не любя,
не живу, не гляжу, не дышу.

Ляг в душе,
снег весны, будешь ею храним,
пусть уже
солнца лик перед взором моим...

---

* По адыгскому календарю новый год наступает весной.

---

* * *

Я учусь быть не столь говорливой
у поры молчаливой.
Дождь кануна весны... он навеян
о тебе сновиденьем.

Плещет дождь, и его переливы –
моих мыслей извивы.
Сновиденье в твой мир я послала –
разве этого мало?

День вчерашний и завтрашний если
я сравню, впору песне
разливаться: ведь в прошлом тебя нет,
и в нем медлить не тянет.

Лишних слов для призыва не надо,
мне достаточно взгляда.
Минул год – вновь весна одолела,
мне твоей быть велела...

ЗАВЯЗЬ

Я ничего пока
не знаю о тебе,
и каждое из слов
твоих звучит, как чудо,
суля мне поворот
в зауженной судьбе...
Меж нами – ничего,
беспечны мы покуда.

Весна мне на ушко'
все шепчет: «Не спеши», –
и в сердце у меня
еще нет боли сладкой.
Мы что-то говорим –
смеемся от души,
а краткий путь домой
все длим и длим украдкой.

Не нужен мне сейчас
никто, никто другой,
излишни имена,
забот рутинных залежь.
Земля занесена
зеленою пургой –
весеннею травой...
Меня ты провожаешь.

Все то, что узнаешь
ты ныне обо мне,
тебе – я по глазам

читаю – интересно.
Распаренной весне,
распахнутой весне
все то, что мы творим, –
разумно и уместно.

ПРОСТАЯ ПЕСЕНКА

Чтоб ясным было зренье,
скорей сморгни соринку,
пусть из ноги колючка
на землю упадет.
Себе для бега сердце
само найдет тропинку,
а чтобы впредь не сохнуть,
и снадобье найдет.

Мы порознь, мы отдельны,
мы альфа и омега,
дано нам лишь мгновенье
одним огнем гореть.
Себе тропинку сердце
само найдет для бега –
и снадобье отыщет,
дабы не сохнуть впредь.

---

* * *

Недоверье,
возникшее прежде любви,
и душевные муки,
и гнев-пустобрех, –
ничему не поддамся,
лови не лови,
ибо нечто иное
берет во мне верх.

Что сулит это нечто?
Какой ждет исход?
Все излишни вопросы,
коль сердце твое
устремляется ввысь,
за собою влечет,
как бы там ни галдело
вослед воронье!

Пусть слова, в сердце зрея,
в стихи перейдут –
для того я отрину
усталость и лень, –
только даже тогда
будет темен маршрут,
недоступным пребудет
грядущий мой день...

---

* * *

Это чувство то сладостью было,
то болезнью, лишаящей пыла.

Пребывало во мне – я взлетала,
без него – мира было мне мало.

Сновиденью подобное чувство
было тем, без чего все так пусто...

Это чувство без спросу явилось,
не понять – то ли месть, то ли милость.

Всю планету – в деталях, подробно –
охватить чувство было способно.

Это чувство меня наполняло
до краев – и пределов не знало.

Я сама и была этим чувством,
ты ж о нем говорил, как о чуждом.

Это чувство так сладостно было!
Стало – болью, лишаящей пыла...

---

* * *

За окном жизнь кипит и клокочет,
за окном полыхает весна...
Как душа в ней участвовать хочет!
Это – слаще прекрасного сна.

Пробегают мурашки по коже –
кем была я, от стужи устав?
Бесконечное счастье похоже
на волшебный небесный состав.

Узнавая грядущего тайну,
твердо помня родимый исток,
все, что вновь я в себе сочетаю,
шлю в поклоне туда, на восток.

Грустно день из меня убывает,
вечер тихо теряет цвета:
мир кружится и катится в аут –
постоянна его маета.

Это маятник – как же он нуден!
Вслед за мигом срезается миг.
Настоящего времени скуден,
половинчат, невнятен язык.

Да, немотствовать всякому больно,
вплоть до самых основ бытия...
Настоящее будет довольно,
если выйду на улицу я.

ОГОНЬ И ЛЕД

Одна ладонь – что лед,
другая – что огонь.
Обида сердце жжет,
тоска кружит пургой.

И вкрадчивая лесть,
мой выморочный враг,
внушив обманом весть,
ведет меня в овраг.

Оврага не терплю,
но часто снова в нем
бываю... «Улюлю!» –
кричат мне лед с огнем.

Внушают: «Все, теперь
с любимым распрощись,
внеси в число потерь –
и в камень обратись!»

А ночью снится он,
и днем дышу им я –
но ранит стылый звон
его отсутствия...

Мне грудь обида жжет,
язвят уколы чувств.
Когда растает лед?
Когда оставит грусть?

Я знаю: грусть-тоска
не мне добро сулит.
Но я душой крепка,
мой безмятежен вид.

Я верю: он поймет,
что нет такой другой.
...Огонь расплавит лед,
а лед уймет огонь.

---

* * *

Прошу, скажи об этом мире,
подай о нем хотя бы весть...
В зените мы или в надире?
Нас нет в нем? Или же – мы есть?

Друг друга часто мы не слышим,
смеемся, попирая прах.
Нам холодно, но как-то дышим...
А может, все мы в небесах?

Прошу, скажи о мире этом.
Как мало то, что видим в нем!
Открой, что выхвачено светом
твоим – твоим святым огнем...

АРИТМИЯ

Куда мне приткнуться? куда?
Минувшее – только пузырь,
что лопнул, и нет ни следа
от дней, составлявших мой мир.

Средь нервов теряю тропу.
О, как же звонка тишина!
Куда мне поставить стопу?
Не знаю, не знаю, не зна...

Уходит земля из-под ног.
Ну как же мне выстоять? как?
Мой пульс... он уже изнемог,
стуча беспрестанно в висках.

Со мной препирается тень –
мне снова перечая, она
бросается в завтрашний день,
поскольку, как завтра, темна.

Сколь много, кто зол на меня?
Сколь многие брезгают мной?
Свою непреклонность кляня,
по горло сыта я войной.

Кружусь я осенним листом.
Опять – ни просвета в душе.
А самое страшное в том,
что к сбоям привыкла уже...

---

* * *

Заветные слова произнести
опять я забываю у порога –
и с будущим расходятся пути,
ведет куда-то в сторону дорога.

День завтрашний душе пребудет чужд –
все нервы от невнятицы провисли,
а тени своенравных моих чувств
в узлы свивают скомканные мысли.

Так как же разобраться, где мой дом?
Ход времени – из самых сложных
тайнств.

Вновь оставляю завтра на потом –
но и в сегодня тоже не вплетаюсь.

---

* * *

В моих ладонях рассыпаясь в прах,
осколки мира даже очертанья
утрачивают, на семи ветрах
звываясь к небу, где хранится тайна.

Огонь на дне души осилил лед –
тот самый, что расплавлен был сначала.
Я так и знала: к этому идет,
но мысль такую долго отгоняла.

Мир снова хаотичен, груб и сыр,
в нем не найти гармонии зачатков.
...Я заново ваяю этот мир –
и не скрываю пальцев отпечатков!

Дрожит земли поверхность под стопой,
вибрирует и форму обретает –
она, как я, желает быть собой,
а лед на то и лед, что вновь растает.

Созвездья, сквозь мои пройдя зрачки
сияют несказанной новизною;
вселенная, из-под моей руки
чуть выбравшись, знакомится со мною.

МГНОВЕНЬЕ

Увидела себя я, обернувшись:
то смех звенит, то тучи возле глаз.
И поняла я многого ненужность...
Мне жить – в новинку, все – как в первый
раз!

Я, это различив, освободилась
и легкой стала, чуть не улетев...
То ль он чужой? То ль впала я в
немилость?
Все испарилось – слезы, горе, гнев.

Изведав это чудо обновления,
я поняла, куда мы держим путь.
«Ты этого прекрасного мгновенья, –
я душу умоляла, – не забудь!»

---

* * *

Ухожу, потому что стократно
явь запутанней стала, чем сны.
Может, станет вдали мне понятно,
чем таким мои вены полны.

Если в сердце огонь, значит, надо
отойти, чтоб дотла не сгореть.
Дождь и снег, для меня вы отрада,
вас ищу, чтоб яснее смотреть.

Что творится со мной, неизвестно.
Ты – со мною, стал частью меня.
Хоть манит меня заревом бездна,
отойду, отдаюсь от огня.

Мысль о будущем давит, тревожит,
взгляд вперяется в жаркую тьму...
Если в сердце огонь, кто же сможет
разобраться, что нужно ему?

Если явь – только пламени пятна,
как довериться знойной судьбе?
...Вдалеке лишь почувствую внятно,
как нуждаюсь я, свет мой, в тебе!

---

* * *

Ничего, ничего... Я тебя сберегу –
как себя побережь никогда не смогу.

Я хотела б опять свое имя забыть,
чтоб тебе лишь служить и защитой быть.

Вознося тебя ввысь, опуская к земле,
осторожною буду. Сокрыто во мгле,

что грядет, – только хитрая знает луна
все, что копит, во тьме зарождаясь,
волна.

Если я не сдержусь, кликну из темноты,
мою тайну узнают и небо, и ты.

Здесь одна осторожность сулит торжество:
я тебя сберегу – ничего, ничего...

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕСНЫ

Сон обманный, который сулит все
исполнить желанья,
или песни припев, как глоточек
прошедшего дня,
или кто-то, кто душу в мои направляет
старанья,
или юность, что дрогнет от страха
покинуть меня?

Стебелек, жадно рвущийся вверх сквозь
замерзшую почву,
или черный скворец, что удвоил тревоги
мои,
или взгляд просветленный, с растений
снимающий порчу,
или солнечных спор вековые со стужей
бои?

Объясни мне сама, растолкуй, я одной
тебе внемлю,
отзовись, и тогда я одной тебе буду
служить...
Попрыгунья-весна, излечившая скорбную
землю,
научи и меня стихотворной строкой
ворожить!

ГРАНЬ

Стрелки часов
ход вершат, не спеша...
Там, где нет слов,
заплутала душа.

Там – только Бог,
букв не знающий звук...
Кто ж ей помог,
кто избавил от мук?

Разница ль – кто,
коль она в небесах?!
Словно пальто,
вещность брошена в прах...

Как ей легко!
Так могла бы и я...
Пусть – далеко,
но она же – моя?!

Не отпущу!
Хорошо ей во снах,
но воплощу
ее снова – в словах!

Это ж она
приучила к словам?
Я ей верна –
никому не отдам...

Слово ищущу
в мире вечном опять —
ей по лучу
от меня не сбежать.

В миг, когда ночь
обращается в день,
делом помочь
нам друг другу не лень.

Знаю тогда:
что увиделось нам,
в том и нужда
правды ждущим словам.

Если ж во сне
с нею будем витать,
слово по мне
снова будет скучать.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Где источник той силы, что держит
в этом мире меня?
Переход здешней тропки мне брезжит
в царство тьмы и огня.

Пенье ангелов с граем вороньим
мой венчает язык.
Распрямлюсь я и дам посторонним
ясно видеть свой лик.

Пусть с землею, чья часть – мое тело,
ходит кругом душа, –
не достигла б та сила предела
чересчур уж спеша.

Видя россыпи звезд золотые,
понимаю сполна:
я храню свое солнце в затылке,
а лицо – лишь луна.

Где ведется за счастье сраженьё
в плеске каждого дня,
грай вороний и ангелов пенье
увлекают меня!

Кедровый Бусел

---

* * *

На лике неба радуга блистает –
то семь дорог, проснувшись, потянулись.
Дождем, казалось, целый мир был залит,
и реки занимали место улиц.

Он, этот дождь, со мной затеял ссору,
да только не сумел меня обидеть.
Пришлась ему душа моя не впору,
а мне досталось радугу увидеть.

Слова дождя, тяжелые, как камни,
с моими своих сил не соразмерив,
теперь простыми стали ручейками,
что обтекают икры ног деревьев.

Все облака мои пронзают мысли,
притягивая луч заветный солнца.
...А дождь сквозь тучи, что опять
нависли,
узнав, где я, опять ко мне несется.

---

* * *

Поверх заката птицы чертят дуги.
Я взглядом обвожу вершины скал.
Мы с этим миром помним друг о друге,
мы знаем, что друг в друге кто искал.

Закат что твердь, и он ее упрочил.
Какой восторг! Едва ли не дрожу...
Что мне вот этот вечер напрозорчил?
Я каждым из мгновений дорожу.

А жизнь моя, что не ахти богата
событиями, мне дает намек:
«Цени все то, что видела когда-то,
не забывай былых своих дорог.

Не говори о том, что было, «проба»,
несбыточных картинок не рисуй,
не торопись к чему-либо особо,
в том платье, что надето, и танцуй».

Но игры, что приходят постоянно,
мозги мои сдвигают набекрень, –
ведь молодость резвится неустанно,
а потому так короток мой день.

Порою с головой уйду я в книгу,
не замечая солнца, не ценя.
Начну, бывает, песню – тут же сникну...
Немало терпят песни от меня!

Но я сношу все козни мирозданья –
и к жизни возвращаюсь, не скорбя.
Грядущее, придумав мне прозванья,
с успехом их примерит на себя.

Зачем же ныне, прочь досаду вылив,
на скалы я решилась посмотреть?..
Да очень просто: пара птичьих крыльев
закатную мне даровала твердь!

---

* * *

Движенье вверх не терпит суеты,
в переполохе судьбы не вершатся...
В пределах грез привиделся мне ты,
чтоб наяву смогли мы повстречаться.

Теперь нам остается лишь одно –
сказать себе и миру: «Будь что будет!»
Воспрянем к небу? Канем ли на дно?
Случится то, что нам Аллах присудит.

Вперед, к тому, что было до сих пор
для глаз моих и сердца ритмов чуждо...
Здесь места не найдет ничей укор –
все захлестнет неистовое чувство!

---

* * *

Как трепещет земля
под моей торопливой стопою!
По всем венам моим
разливается ныне весна,
и я с миром в ладу,
коли лажу отменно с собою...
А земля так кругла –
так и льнет мне под ноги она.

Ох! вращенье ее
закружило мне голову малость,
но я все же справляюсь
с мутящей весь мир пеленой.
От меня не зависит,
к кому я лицом оказалась,
но мне больно за тех,
к кому я повернулась спиной.

Одуванчик сорвав,
мои пальцы жалеют об этом.
На земле мое тело
играет сегодня, шалит.
Понимает весь мир
то, каким я наполнена светом,
и, как я, все, чувствую ныне,
он в сердце хранит.

---

* * *

Хочешь – в мире пребудь, хочешь – прочь
уходи.

Без тебя у земли много дней впереди:
будет солнце вставать, будут петь
деревя...

Нет, тебе этот дар – я была неправа!

Хочешь – просто живи, хочешь – мир
прокляни.

Пусть на сердце твоём только шрамы
одни,

есть лекарство от ран – это страсти
туман,

только память болит – здесь не властен
обман!

Хочешь – мир обрети, хочешь – перемени
на другой и начни в нём сжигать свои
дни...

Даже если душа рвется прочь, рвется в
ночь,

невиновна она – ты должна ей помочь!

---

* * *

Что за пора пришла?
Скажите, Бога ради!
Невидимую грань
я вдруг пересекла:
что было впереди,
теперь осталось сзади,
смотрю с той стороны
зеркального стекла.

Воспоминанья все,
хоть лопну пусть от злости,
останутся со мной
навек, навсегда.
Из прошлого ль они,
непрощенные гости,
иль из грядущего
пришли они сюда?

Мне лишь бы устоять
на середине круга,
не покачнуться бы
и не ступить на край.
Отдельный знак и то
разгадываю туго,
во множестве же их –
попробуй, распознай!

Подсказывает смысл,
что я открою нечто,
дразня мои мечты,
он манит за собой.

«Ты ищешь не меня ль?» –
    лепечет ложь извечно,
молю, чтобы она
    не стала мне судьбой.

Средь мыслей верениц вконец
    теряю силы.

Откуда, вспомнить тщусь,
    начало я беру?

Кто дал в наследство мне
    выносливые жилы,
кто исподволь учил
    всегда служить добру?

Сквозь безоглядный смех
    вскипают бурно слезы,
и снова не понять,
    что за пора сейчас...

Явь путается с тем,
    что навевают грезы.

Так кто же мне сказал,
    что время вокруг нас?

---

* * *

Поднимаюсь так рано я,
что весь мир в тишине.
Тень твоя долгожданная
вновь приходит ко мне.

Солнце пальцами жаркими
мой сплетает секрет,
согревает подарками,
охраняет от бед.

Лето в платье коротеньком
хочет все разузнать:
счет ведет моим родинкам,
лезет в душу опять.

Моя каждая клеточка
протестует: отстань!
И мой выигрыш – ленточка,
я не выдала тайн.

Солнцем лента вплетается
в то, чем я дорожу,
а надежда цепляется
за святую лозу.

---

* * *

Я была когда-то в этом месте.

Да, я здесь была.

Шли, припоминаю, честь по чести
у меня дела.

В жизни у меня была страница,
как у всех, точь-в-точь!

В том, что день не может разродиться,
виновата ночь.

Я нуждаюсь в яви, в четкой яви,
ночь меня страшит.

«Где сын Дня? – вопрос задать я вправе. –
Кто его взрастит?»

---

* * *

Мольба, которой я
не в силах изложить,
и сон, какого мне
озвучить не дано, —
меж вами дней моих
бесшумно вьется нить,
за вашу спиной
впускаю свет в окно.

То, что взмывало вверх,
окажется на дне.
Себя окорочу,
о мере мысль моля.
Пока надежда есть
в небесной глубине,
мне ведомо, о чем
толкует мне земля.

Насытиться ль глазам
всем тем, что на виду?
Незримое ж скопить
не хватит сотен лет...
В любом из снов своих
вопросов сто найду,
а от одной мольбы
колышется рассвет.

ПОЕЗДКА К ГОРАМ

Средь скал опускается солнце. Они
под вечер как будто уснули.
В стекле полыхают заката огни –
как яркие закаты в июле!

Туда, к хмурым скалам, стремится душа,
к лучам, что летят сквозь прогалы.
Что есть в этом мире, сочту не спеша:
я, солнце, закат и те скалы.

В ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

1

Немало мест, что сердцу милы,
но лишь в одном лишаюсь страха.
В запасе если будут силы,
приеду снова к Ошхамахо.

На Ошхамахо поднимаясь,
беру с собой свои печали,
с которыми жила я, маясь
так, что и помыслы мельчали.

Пока тоски не растеряю
вверху, в долину не спускаюсь,
снегам я душу поверяю,
им исповедуюсь и каюсь.

На той неделе (может, в среду?),
коль хоть полдня в запасе будет,
я к Ошхамахо вновь приеду –
пускай он душу мне остудит.

Пускай мои умножит силы,
избавит от тревог и страха...
Немало мест, что сердцу милы,
но всех милее Ошхамахо.

2

Говорю, груз забот отодвинув,
то с шиповником, то с облепихой...
Не хочу разбираться в причинах
светлой грусти и радости тихой.

Так сегодня все чувства подробны,
что никак не опишешь их вкратце.
В фазах сердца, что лунным подобны,
я ничуть не хочу разбираться.

Лучше пристально слушать я буду
пенье птиц, что рассвет возвещает.
Поклонюсь я ему, словно чуду, –
он из ночи нам мир возвращает.

Только вздрогнули вдруг от испуга
мои чувства и прячутся разом,
укрываются все друг за друга –
их страшит чуть проснувшийся разум.

Улизнуть норовят мои чувства,
осторожно пробраться по краю...
Что же, радостно мне? Или грустно?
И сама я сегодня не знаю...

3

Вечность... как легко произнести –
и как трудно совместиться с нею.
Все иду по прежнему пути,
в стороны сворачивать не смею.

Лето подбирается к концу.
Я тебя, чуть вспомнив, забываю –
свет, едва затеплится, гашу
и впотьмах к грядущему взываю.

Снова мое сердце, как луна,
убывает, чтоб затем налиться.
Ничего тебе я не должна.
Тьма ночей размыла наши лица.

Сосны встрепенулись, и опять
сыплются за шиворот иголки.
Ни о чем не дам тебе я знать,
сберегу сама свои осколки.

Сберегу, что было сплетено
из того, что мне весной приснилось.
Это очень кстати, что оно
никогда взаправду не случилось.

4

Не больше и не меньше, ровно столько,
сколь различаю сквозь туман над лесом,
колышущийся жалобно и горько
недолговечным, зыблемым навесом,

я о тебе в тиши от сердца слышу –
оно само тебя почти не знает:
под внешность ты укрылся, как под крышу,
а на нее легла сомнений наледь.

Из состоянья этого непросто
на волю выйти – так же, как из кожи.
Меж нами расстоянье, как короста,
которую содрать – себе дороже.

Одну вершину покорить осталось –
чтоб память о тебе уже не вынуть.
Вот этого так долго я пугалась,
вот это мне хотелось отодвинуть.

Но в те места, где вспоминаю Бога,
мне ноги помогли добраться снова;
здесь суть моя открылась, недотрога,
и я довольна. Прочее – полова.

5

Едва пробудившись, заходятся в зове
лесистые горы вокруг,
а я откликаюсь, ведь жизнь наготове,
живое живому есть друг.

Да, жизнь в моих венах вот так же
струится,
как в жилках скалы и листка,
подернута рябью из строчек страница,
как озеро или река.

К себе приникая внимательным слухом,
застыла вселенная вся.
Я – часть этой силы, близка с нею духом,
мир вместе со мной родился.

Я чувствую нити, что тянутся с солнца,
мне внятен небесный язык.
Навстречу вселенной мой отклик несется,
в ней мой отражается лик.

Чтоб стала гармония спутницей вечной,
чтоб мир не скукожился, пуст,
дай, Боже, мне сил быть всегда
человечной,
не прятать за пазуху чувств!

---

* * *

Этот мир, как ничто, моим сердцем
любим,
хоть в другие я часто летала...
Почему он так верен законам своим?
Кто его сохраняет лекала?

Ах, как славно живут те, кого никогда
не тревожат такие вопросы!
Но доходят до слез – вот какая беда –
те, кого они жалят, как осы.

Кто-то перед иконой поклоны кладет,
кто-то сжечь готов ту же икону,
но о помощи молят и этот и тот,
в западню угодивши с разгону.

Мир без имени! Жизнь! Пусть хоть как вас
зовут:
ведь отыщет душа себе место –
обретет она, верю, пристанище тут,
раз на ваших путях ей не тесно.

Напишу ли стихи, чтоб читались легко?
Иль одной житьь среди этих зазубрин?
...Я из этого мира уйду далеко,
хотя он, как ничто, мной возлюблен.

---

* * *

Отзовись, Русалка! Что́ ты
вечно прячешься в реке?
Вместе плавать нет охоты?
Ты же здесь, не вдалеке!

Помнишь, я тебя боялась,
но скучала по тебе?
Подари хоть эту малость –
вновь поверить ворожке!

Я хочу вернуться в детство,
не прощусь вовеки с ним.
Поспеси на наше место –
сказку мы возобновим.

Наши омуты не мелки...
Закружил водоворот, –
видимо, твои проделки?
Эй, всплывай из гулких вод!

Не дрожишь ли там от стужи?
Долго ль мокнуть довелось?
Промелькнув, ты прячешь тут же
всю копну своих волос.

Знать, тебе меня не жалко,
всё – за зеркало, за щит?..
О тебе река, Русалка,
примирительно журчит.

Тайны все твои с улыбкой
излагают воды мне,
покрываясь рябью зыбкой,
коль их слышу не вполне.

Это время виновато –
сказок выветрен язык...
Эх, Русалка, как когда-то,
покажи свой чудный лик!

Ну, давай, ко мне вылазь-ка!
Не держи на реку зла –
сказка ведь на то и сказка,
чтобы детям в дар была.

---

* * *

Оправдай и очисти меня, лето,
коль я в этом виновна иль в том.
Коль он виноват, то за это
не казни – пусть жалеет потом.

Чувств моих он не понял и сгинул.
Не даруя спасенья от бед,
в черный час мой меня он покинул...
Пусть травой зарастет его след!

Пусть – ранима, душа не бескрыла:
Кто-то властен над ней в вышине.
Лишь Ему расскажи, что открыло,
что смогло ты узнать обо мне.

---

* * *

Всех брильянтов души
ты достоин моей,
ибо, строгая сердцем,
нечасто
(погоди, не спеши),
в крайне редкий из дней,
смела с единоверцем
встречаться.

Открываю в себе,
о чем прежде никак
не могла догадаться,
а это
значит много в судьбе,
ну а твой каждый шаг
лишь зовет любоваться
ответно.

Есть у жизни закон,
и менять его нам
было б замыслом дерзким,
но все же
мы звучим в унисон:
ты отринул весь хлам,
и, взыскательным сердцем,
я – тоже.

---

* * *

Живы корни всех чувств,
и побег их рьяны.
Мне позыв ныне чужд
знать грядущего планы.

Недоверье теперь
к поворотам иссякло.
Не боюсь открыть дверь
и вступить в свое завтра.

Ведь как раз этот шаг,
что сейчас будет сделан,
отряхнуть даст мне прах,
даст стать белой на белом.

Верю: ждет этим днем
очистительный ветер...
Хочешь – вместе пойдем,
коли день так уж светел!

ДРЕВЕСНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Дай душе не остыть
без любви и без неги.
Дай мне корни пустить,
дай расправить побеги.

Дай потокам всех чувств
через стебли излиться.
Поздней осенью пусть
опадут мои листья.

А пока – белый дым
пусть овеет, как долы,
мои ветви, к моим
пусть цветам спешат пчелы.

Чтоб вот так и цвести,
из земли вырастая,
жизнь могла б провести –
и не надо мне рая!

Говорю не тая:
сердце этим спасется –
ведь такие, как я,
жить не могут без солнца.

Точно знала всегда,
сердцем ведаю тоже:
не несу я вреда
тем, что вырастут позже.

Дай душой не остыть
и, введя в эту сказку,
дай мне корни пустить
и познать почвы ласку...

Знай: среди этих ветвей
свить гнездо хочет птица,
чтобы в кроне моей
двадцать лет веселиться!

---

* * *

Твой поцелуй трепещет на губах,
как бабочка. В глазах моих темно.
Я не хотела сердце впопыхах
пускать к тебе, но вырвалось оно.

Куда оно домчится, так спеша?
Мне и самой неведомо – до слез! –
кем завтра будет полниться душа –
тобой? Ты хочешь этого? Всерьез?

Да, кажется, истома сна тобой
пропитана. И кажется, что ты –
просвет, давно обещанный судьбой,
являющийся мне из темноты.

Я все яснее вижу, почему
поет душа, волнуясь и звеня;
подозреваю, проницая тьму,
Кто именно теперь хранит меня.

Твой поцелуй трепещет на губах,
как бабочка, знакомая давно...
Я не хотела сердце впопыхах
к тебе пускать, но вырвалось оно!

---

* * *

Как лето, что в густой траве таится,
как ветвь, что под ногой вдруг вскрикнет
хрустко,
как скрытая в листве певунья-птица, –
так в жилках, в нервах путается чувство.

Ночами пробуждается цветенье,
да так, что, белой завистью исполнен,
гадает мир в немом оцепененье:
откуда – в полночь! – взялся этот полдень?

Теперь я знаю, что всего труднее
хранить его, его же опасаясь,
того пугаясь, что всего роднее...
О, эта плод дарующая завязь!

Чей дар ты? Или – чье ты наказание?
Нельзя – об этом помню – возгордиться
пред тем, с кем небеса тебя связали,
пред тем, о ком тебе пропела птица.

Тот цвет, что вспыхнул в радостную
полночь,
при свете дня узнать тебя позволит.
Цветенье чувств! Чем ты меня
наполнишь?
Лишь не сгорело б, словно астероид...

---

* * *

Со словом остаюсь наедине,
когда вся ночь простерта до рассвета,
и в напряженной гулкой тишине
то примеряю слово или это.

По-разному словами я верчу,
огранивая ими свою душу, —
из кокона безликого хочу
я в их сиянье выбраться наружу.

Но снова несуразности гнетут,
куда-то не туда заводит слово:
то там меня коверкает, то тут —
я не собой оказываюсь снова.

Что ж, привыкаю к новой я себе,
пусть даже не вполне ей доверяю;
она ж, к иной привержена судьбе,
чурается меня, ходя по краю.

Ищу в словах свою немую суть,
отыскиваю в них свое начало,
однако же искомое ничуть
не ободряет то, как прозвучало.

Язык ни буквы в долг мне не дает,
своих расценок ввек он не урежет,
а сам меж тем надеется, что тот,
кто пользуется им, его поддержит.

В тот миг, когда завязываю нить,
которой свою душу обметала,
в моих зрачках – чем это объяснить? –
созвездья зажигается кресало.

Я засыпаю под рассветный звон...
Мне кажется: все то, что я успела
сказать, – предвосхищенный мною сон,
что я извлечь смогла из-за предела.

---

* * *

Тропинка есть, ведущая отсюда
в мир призрачный... Она мне так нужна!
Сбывается любая там причуда –
и тропка эта мне всегда видна.

Ветра́ догадок, отовсюду вея,
никак войти не могут в унисон –
и я не в силах уловить мгновенья,
когда вдруг явь перетекает в сон.

Но часть души меня, как пуповина,
привязывает к миру все равно,
и правде жизни, пусть она незрима,
печалью уязвить меня дано.

Во сны приходит чувств моих томленье,
в мир видимостей добираясь вплавь, –
сплетается с реальным сновиденье,
и в контурах размытых брезжит явь.

Лишь тот, кому милее небылица,
становится действительности чужд,
а я вот рада, что и ночью снится
мне подлинность моих вседневных
чувств.

...Тропа, иду которой, явность прячет,
своей гипнотизируя длиной;
мир мнимостей опять во тьме маячит,
опять кичится он передо мной.

---

* * *

А может, лучше просто заблудиться –
да и исчезнуть? Или стать прозрачной?
Взмыть к небу, как испуганная птица,
чтобы укрыться там за тучей мрачной?

Но сердце отпускать тебя не хочет!
На что же мне решиться? Я не знаю...
Невнятица в груди моей клокочет –
то держит, то подталкивает к краю.

Таков расклад. Куда же мне податься?
Ах, эта пресловутая свобода!
Возможность есть уйти или остаться –
и ты *свободна* в выборе исхода...

Кто знает все пути, не хочет даже
намеком мне помочь... Но, может быть,
мне нравится не знать, что будет дальше?
По воле волн предпочитаю плыть?

Быть может, у меня мечта одна лишь –
раскачиваться в море прихотливом?
Представлю только: *нас* ты вспоминаешь –
отлив в душе сменяется приливом...

---

* * *

Дождь сны мои пропитывает влагой.
Его попреки мне терпеть невмочь:
«К любимому никак не сладишь с тягой?
Так где ж он? Из-за вас рыдает ночь».

Прошу его: «Оставь меня в покое!» —
но он все льет, шурша или звеня.
Раз дождь мне говорит в ночи такое,
то, может, понимает он меня.

Я размыкаю в полутьме ресницы:
не спится толком третью ночь подряд.
Деревья голы, все слова — как птицы,
что в капли обратиться норовят.

И просят эти капли: «С нами рядом
пробудь, а коль не можешь, то
приснись».

Они, меня коснувшись синим взглядом,
вдруг дрожью осыпаются с ресниц.

Что тут поделать? Может, воедино
блуждающие запахи собрав,
чтоб я не тосковала нелюдимо,
их дождь продаст, как сбор целебных
трав?

---

* * *

Душа моя – не судно на приколе,
она всегда с тобою. Наизусть
я знаю твои радости и боли,
я постоянно чувствую твой пульс.

Сейчас ты на краю земли, и сердце
твое идет на убыль, как луна.
Я о тебе, своем единоверце,
и вдалеке заботиться должна.

Стремясь скорее обратиться в завтра,
сегодня мчит вперед во весь опор.
Мне холодно подчас, а то вдруг жарко –
тебя я ожидаю с давних пор.

Не тратя сил на горестные стоны,
жду, чтоб ко мне привел тебя твой путь.
У мира свои мерки и законы,
и не пытайся их перешагнуть.

Чего я жду, придет по Божьей воле,
и в этот миг я радостью упьюсь.
Дай знать мне твои радости и боли,
дай постоянно чувствовать твой пульс.

---

* * *

Утешь свое сердце, умасли,
чтоб мысли шальные угасли,
к себе стань чуть более строгой –
любимого словом не трогай.

Утешь свое сердце, порадуй,
все мысли держи за оградой,
тревоги забудь о любимом –
пусть сгинут, развеются дымом.

Сбиваясь с душевного лада,
терзать свое сердце не надо.
Запомни: себе ты не изверг,
есть жизнь, остальное – лишь призрак.

...Но сердцу, что сладостно тает,
покоя всегда не хватает –
следя за любимым, витает,
поскольку... он в нем обитает.

---

* * *

Мне в путь пора – пусть он лежит в
тумане,
пусть даже сны пучин его ясней...
Мне нужен дождь, потребно расстоянье,
чтоб разобрать, что там, в душе моей.

Что в ней творится – для меня же тайна.
Мне кажется, ты частью стал меня.
Туда спешу, где льется дождь фатально, –
быть может, он избавит от огня?

Вблизи друг другу головы мы кружим,
вот для чего поспешен мой отлет.
Хочу понять, насколько ты мне нужен...
В душе огонь – так кто ж ее поймет?

---

* * *

Лишь теперь начинаю ценить,
что живу в этом мире взаправду,
что связует с ним прочная нить,
хоть секунды и тянут к закату.

А ведь прежде, не веруя в явь,
я металась душой бесполезно,
норовя запустить ее вплавь
к дальним звездам... Едва не исчезла!

Друг, ко мне приходя иногда,
ничего разобрать был не в силах;
веры не было – вот ведь беда –
ни в горячих словах и ни в стылых.

Я сполна понимаю теперь,
что блуждала в игрушечной чаше.
Через опыт торимых потерь
поняла я, что все преходяще.

Наши чувства мелькают, увы,
словно фильма поспешные кадры.
Никому не сносить головы,
не поняв этой горестной правды.

То, что радость безмерно ценней,
что важнее всего вдохновенье,
рассказать, мое сердце, сумей
откровенней, доступней, новее!

---

* * *

Мечты, что светла,
вовек не разрушу.
Два нежных крыла
врачуют мне душу.

А копь отлетит,
забудет, забросит –
душа заболит,
застонет, заропщит.

Откуда пришла,
мечта моя, птица?
Из мглы приплыла,
чтоб мне воплотиться?

Порою тверда,
порою – вся в шоке,
припомню ль когда
свои я истоки?

Мечта на мой путь
свой свет излучает –
души моей суть
судьба изучает.

---

* * *

Как хочу,
все, что видится мне, назову,
как хочу,
так слова и расставлю.
И во сне они служат мне,
и наяву,
все вбирая –
восторг ли, растраву.

Я порой их зажму,
как слепец, в кулаке,
а порой,
словно зернышки птицам,
все рассыплю –
и дальше бегу налегке
по пронизанным солнцем
страницам...

Мне так нравится!
Пусть – после многих потерь,
ныне все возмещаю
потери;
чем ответить,
я знаю отлично теперь,
теньям тем,
что тягаться б хотели.

Нет тех дней, когда я,
злые слезы тая,
могла стыть,

оробев перед далью...
Между чувством и словом –
лишь ветер, а я,
как коня,
его лихо седлаю!

---

* * *

Прислушиваясь к собственной душе,
подстраиваясь лишь под кровь свою, —
так выбираю жить, презрев клише,
пред тем как уступить небытию.

В той стороне, что всем я предпочла,
светлей, чем в прочих, — кажется мне так.

Мне чудится, что больше там тепла,
которого так жаждет каждый знак.

Коль солнце солнцем будет пребывать
и коль луна останется луной,
то все, с чем жизнь должна я срифмовать,
не обойдет судьбины стороной.

---

* * *

Что за день такой? откуда?
Обновляется душа?
Слово – свято, это – чудо...
Говори же не спеша!

Все отринь, что не от сердца,
пусть такое не звучит.
Никуда тому не деться,
в чем Бог душу различит.

Из ста строк бери лишь злату,
чтобы людям подарить...
Жизнь, о Боже, дам в уплату
за возможность говорить!

СПРОСОНЬЯ

Отряхиваясь на рассвете,
деревья недоумевают:
на сны их дождь накинул сети...
Но сновиденья забывают.

И я вполне согласна с ними –
ведь с ними выросла в соседстве.
Когда во сне шепчу я имя,
«Чье?» – тихо спрашивает сердце.

Рассвету птицы дарят чувства,
дрожит спросонья терпкий воздух...
Обрывки снов порхают чутко
и о родных тоскуют звездах.

---

* * *

Все – то ли правда, то ли ложь,
когда родник – источник болотца.
О розу если уколется,
где ложь, где правда – как поймешь?

Когда закат рождает дрожь
и только имя остается
мне от тебя, то кто возьмет
сказать, где правда здесь, где ложь?

Один лишь выход будет гож –
шагать, сполна испив сиротства,
пока то небо не найдется,
где, отраженный, ты живешь...

ПЕРЕД СТИХАМИ

Когда в себя я вслушиваюсь чутко,
то мир как будто тонет в тишине...
Какое, вдалеке родившись, чувство
сполна сегодня властвует во мне?

По чьим путям плутаю я сегодня?
Чье умиротворение сейчас
изгибами души бежит привольно,
невысказанной радостью лучась?

Я обмираю – так все это тонко...
Но время истекает, словно кровь, –
как будто нерожденного ребенка,
теряю, что открылось, вновь и вновь.

Как будто разом тысячи побегов
во мне вдруг обрываются опять...
Душа, ожогов досыта отведав,
никак не хочет пламени унять.

К тому, что окружает, равнодушна,
ни звука даже не произнося,
я знаю: мне теперь к бумаге нужно...
Лишь на нее теперь надежда вся!

---

* * *

Памяти Виктора Цоя

За звездой? В никуда?
Дверь открыта, и брезжит свет.
Кто ушел навсегда,
а кому еще жить сто лет.

Посмотри мне в глаза:
как достойней пройти свой путь?
Коль и есть тормоза –
то сомненья, что давят грудь.

На развилках дорог
все гадаю: где ад, где рай?
Невнимательный Бог
не услышал тебя. Прощай...

ЛЕГКОСТЬ

Легкость, пленившая душу,
как же ты кстати пришла!
Я твой покой не нарушу,
ласкова буду, мила.

Вместе с тобой буду греться,
только огонь разожгу.
Жить мне веленьями сердца –
лишь перед ним я в долгу.

Все мне откроются звуки –
буду я те отбирать,
что мне дадут из разлуки
вызволить счастье опять.

ЛЕСТНИЦА К БОГУ

Кто выстроит лестницу мне,
чтоб я могла встретиться с Богом?
Мой взгляд воспарил к вышине,
тоскуя по новым дорогам.

Душа, вострепнувшись, стрелой
взлететь в поднебесье готова.
Земные заботы – долой!
Оставь мою душу, полова.

И с сердцем, и с мыслью – разлад.
Душа растворяется в Боге.
На землю глаза не глядят,
оборваны эти дороги.

Осколки, что жизнью зовут,
любовь, что явилась напрасно...
Виденья? Бесмысленный труд –
все так достоверно и ясно.

Я вся устремляюсь вовне,
даруй же мне лестницу ныне!
Сойду я на той стороне,
чужая в подлунной пустыне.

---

* * *

Жила ли я – иль лишь грядет рождение?
Взгляд неподвижен – чем его проймешь?
Когда мой мир прервал свое вращенье,
все, что случилось позже, – только ложь.

Какие чувства нас обуревают,
когда вздохнуть уже не суждено?
На дне небес ответы пребывают,
но их достичь не часто нам дано.

Когда, белее дня, исчезли крылья,
неважно, они были или нет.
Но кто парил – тот стонет от бессилья,
упав туда, где темен даже свет.

Кто я сегодня? Кем я завтра стану?
Свободна ль я? Кто жизнь мою творит?
Вопросы эти сыплют соль на рану,
которая отверста и болит.

Любовь моя иль боль моя? Не знаю.
Лишь муке исцелить меня дано.
Я слову незнакомому внимаю –
о, как его значение темно...

И вдруг – доходит: я – на свете этом!
На небосвод гляжу я голубой:
там каждый вздох встречается с ответом –
о, как же дорог мне из них любой!

Тун историче

---

* * *

Чайки крик так протяжен... Мой прадед,
не к твоей ли душе этот зов?
Свет заката крыла ей огладит –
видно, все понимает без слов.

Вздвогнув, прынет волна к побережью,
словно преодолевши запрет,
а когда добежит – я не брежу! –
то не твой ли омоет портрет?

Чайки зов бока небу колышет...
Комом в горле является мысль,
что мой клетот, как чайку, расслышит
прежде здесь бушевавшая жизнь.

Прадед мой, чей язык мне дарован –
птиц язык, – расскажи о себе,
умолчав, что за век уготован:
предсказанья – помеха в судьбе.

В самом деле, пойдет ли на пользу
соплеменникам – знать, что нас ждет?
Неуместную, глупую позу
навсегда невлюбил мой народ.

Равно как не привык жить покорно,
на уста налагая печать,
наступая себе же на горло,
лишь бы дали свой век скоротать.

Осуждаю – а сердце лелеет:
разве я хоть куда-то уйду?
От тебя, зову чайки кто внемлет,
я ответа на это не жду.

О, свидетель столетий – светило,
отраженное в глади морской!
Светлый лик твой я в нем различила –
ты кивнул мне седой головой...

ГУЛ ИСТОРИИ

Мой народ!
Ты то камнем твердеешь,
то туманом
вдруг стелешься зыбким,
угодив под пяту
новой смуты...
Не надорван ли
звонкий твой голос?

В непрерывном,
в невнятном стремленьи
истомили
прогорклые годы!
Если нож
прижимается к горлу,
как возьмешь
наивысшую ноту?

Море крови,
конец уже близок.
Небо тихое,
Бога обитель,
что ж не дашь нам
уйти вперед прочих?
Трудно жить
в вечных огненных кольцах.

Чей таинственный грех,
чье проклятье
искупить

ни в какую не можем?
Поколение
за поколеньем
пополняется
глухонемыми.

Ты, народ мой,
исчезнуть согласен?
Рассыпаешься ты
на частицы,
а назавтра
то камнем твердеешь,
то туманом
вдруг стелешься зыбким...

---

* * *

Дай колоску свое промолвить слово –
ему голубка век внимать готова.

Сама ж она, воркуя неустанно,
слух услаждает статного платана.

Шуршание листвы платана-друга
рад услышать пьянящий ветер с юга.

От посвиста порхающего ветра
в восторге все животные, наверно.

Из всех существ, что есть на белом свете,
одно лишь не взволнуют звуки эти.

Лишь одному его дорожке торба...
И это – человек, как ни прискорбно!

---

* * *

Народ мой надеется: то,
что принял за снадобье он,
отравой вдруг не обернется.
Что ждет нас за гребнем – плато
иль путь, что пойдет под уклон?
С надеждой нам легче живется.

Надеждою дышит строка,
чураясь, однако, прикрас.
Коль сердца надежда коснется –
не так уж и жизнь коротка,
хотя и дается лишь раз,
и не убывает свет солнца.

---

* * *

Рассеивается – свет.
Развеивается – след...

Так что же такое – жизнь?
Мой праотец, вновь приснись!

В мой сон, я прошу, приходи,
поведай, что впереди.

Устала душа от тайн...
Ответ, умоляю, дай!

Мой праотец, только ты
подскажешь из темноты!

---

* * *

Вечер, ты душе созвучен,
позови меня, поведай,
по которой из излучин
я блуждаю в жизни этой.

Сумрак, ты слегка печален,
но, надежде потакая,
не томи меня молчаньем,
расскажи, кто я такая.

Мир чуть-чуть приотворился,
кое-что я различила.
Слушай, вечер, укоризна –
для прощанья не причина.

Ты, в котором красок столько,
погодил бы с умираньем
рядом с той, кто от восторга
так и льнет к тебе с лобзаньем.

Проведи меня, мой вечер,
в тайну ту, что стала внятна.
Тени копишь ты, беспечен,
в закоулках – мрака пятна.

Я по взгляду угадаю,
угадаю по улыбке –
понесешь ты в даль за далью
мои чувства, как ни зыбки.

---

* * *

Растворяется в солнечном свете,
по предгорьям тихонько течет
юный вечер... В мгновения эти
стать частицей заката влечет.

Чтобы тоже под пением птичьим,
под дурманящим запахом трав
погрести себя, разноязычьем
все заботы дневные поправ.

Чтобы так же терять свои силы,
растворяться, тускнеть, уходить,
всех прощая, кто – милы, не милы –
моей жизни распутывал нить.

Вновь к нему моя светлая зависть
устремляется – бликом, лучом...
Я в его зеркалах отражаюсь –
где же он исчезает потом?

Он объятия лени сладчайшей
раскрывает сегодня опять,
и мне кажется, горькою чашей
мир не сможет мне, нынешней, стать.

Да, мне кажется, скомканным будням
не наступит когда-то черед.
...Дня конец взял за правило людям
то дарить, что потом отберет.

---

* * *

Почти каждую ночь
брат является в сон.
Чем могу я помочь?
Путь к нему занесен.

Мой родной человек
был ли к смерти готов?
За короткий свой век
не скопил он грехов.

Радость или печаль
брат с собою унес?
Он навек замолчал,
бесполезен расспрос.

Отправляюсь не спать –
на свидание с ним.
Вот пришел он опять,
бедный мой пилигрим.

«Почему пропадал?
Жизнь была не мила!
Сгинув в дальнюю даль,
что вершил за дела?»

Часть души моей – брат –
молча смотрит в ответ.
...Сон, брильянт в сто карат,
отбирает рассвет.

---

* * *

Вспоминанье о со мной не бывшем,
ты поводырь мой в жизни и судьбе:
одной обидой блеклою мы дышим,
стихи свои я черпаю в тебе.

Вспоминанье, будущего завязь,
на донышке сознания ты живешь,
но, до конца никак не раскрываясь,
терзаешь и загадкой душу рвешь.

Вспоминанье... хоть ты мне знакомо,
описывать тебя мне не дерзнуть.
Все могут различить раскаты грома,
но молнии никто не знает путь.

---

* * *

Я – часть травы, в которой исчезаю.
Я власть земли всем телом ощущаю.
Все согревает солнце, видит Бог,
и я для солнца – просто колосок.

Мой мир на пальце мог бы уместиться,
никто не знает, где его граница,
но имя, без кого он ниц и пуст,
всегда с моих слететь готово уст.

Я растворяюсь, но вокруг все живо –
земля не сдержит доброго порыва.
Устала я от мысленных погонь.
Теперь мой мир – раскрытая ладонь.

---

* * *

Отпущу свои мысли на волю,
чувств побегу пусть зреют, шурша.
Пляска волн – это все, что на долю
на твою достается, душа.

У любви много слез – это море,
что ему, коль добавишь своих?
На свое услышала я горе
чье-то имя в просторах морских.

Воды шепчутся о сокровенном,
лишь на миг понимаю – о чем.
Увлекает меня зовом пенным,
не расстанусь покуда со сном.

Чувств побегу в снопы собираю,
возвращаются мысли ко мне.
Правду я в небесах обретаю,
тайны моря разведав во сне.

---

* * *

День новый (который забуду)
тихонько вступает в права.
Тянусь к нему ныне, как к чуду,
его расплетая слова.

Миг, малая доля мгновенья...
Неужто вся жизнь – только сон?
Ответами внятными вея,
следы мои высветил он.

О, эти тропинки ошибок –
излучины чуткой души!
Лишь память печальных улыбок
со мною пребудет в тиши.

Гляжу в свое прошлое снова,
но выхода, видимо, нет.
Я все же, как прежде, готова
в потемках изыскивать свет.

Отдушина – вот что мне нужно,
но с криком срастается крик.
Весь мир, содрогаясь натужно,
к последней надежде приник.

День новый, отверстая рана,
ты в прошлое канешь, поверь.
Тебя сохраню я – мне рано
искать запредельную дверь.

---

* * *

Забываю тебя, забываю...
Новизной полыхает закат.
Дверь я перед тобой закрываю
в день грядущий, что песней богат.

То клянусь, что вчера было мило,
погребаю под россыпью дел.
Бесконечными чувства я мнила,
но, увы, подступает предел.

Отстаю от тебя, отлепляюсь!
Крик в закат превратится, звеня, —
благодарна я: знаю, что завязь
дней грядущих излечит меня.

---

* * *

Если это лето
канет незаметно,
сердцу будет трудно
примириться, ибо
частью жизни это
лето почитаю.

Бабочки заметят,
бабочки узнают,
бабочки, чьи жизни
трепетной пыльцою
только одно лето
и порхают в мире.

Коль меня увидел,
но прошел и канул,
не познав душою,
не позвав с собою, —
неужели думал,
что легко мне будет?

Сердцу примириться
очень, очень трудно.
Как же я хотела
частью твоей жизни
сделаться однажды...
Жажду одолеть ли?

Бабочка – ты помнишь, –
что с плеча слетела
твоего когда-то,
я была ли ею?
Нет, не жду ответа –
ты его не знаешь...

---

* * *

В моем доме бабочки порхают.
Замечаю черных среди них,
ну а белых здесь как будто меньше.

Вспоминаю город твой далекий:
выпал снег, и тут же ты разжег
пламя, что в камине загудело.

Наблюдал в тот вечер ты с опаской
за моими взглядами, молчал
и скрывал, что у тебя на сердце.

У меня – сейчас мне это странно,
может быть, виною полумрак? –
не было и промелька тревоги.

А теперь ты у меня лишь в мыслях.
Залетают бабочки в мой дом,
чтобы тут же вылететь обратно...

---

* * *

Солнце, присев у дороги, готово к намазу.
Голос азана доходит до сердца заката.
Он и меня настигает – теряюсь я сразу,
на намазлык не решаюсь ступить, как
когда-то.

В миг, когда солнца лучи омывают селенье
и с языка сам собой рвется голос Корана,
хочется мне попросить Бога о вдохновенье,
но даже Бога просить я стыжусь, как ни
странно.

Нана в привычном поклоне склоняется,
шепчет
что-то, чего я не ведаю, – экая жалость.
Я понимаю: молитва от горестей лечит,
но на молитвенный коврик ступить не
решаюсь.

Все же не скажет никто, что живу я без
Бога, –
мне о Нем внятно толкует густеющий
воздух.
Скроется солнце, погаснет дневная дорога –
что-то проявится в звездных таинственных
гроздьях.

---

* * *

В прошлом году точно так же, как в этом,
душу мне плавил огненным летом.

Так же, как ныне, клубясь облаками,
небо под вечер сгущалось над нами.

Только вот улицы были другими –
плыли куда-то в чарующем гимне.

Счастья предвиденье зрело с рассвета,
множество чувств колыхало то лето...

---

* * *

Тьма, без электричества нагая,
колет сердце ласковой иглой;
мысль, под звуки ночи возникая,
душу обволакивает мглой.

Словно при коротком замыкании,
я сижу, молчание храня.
Разобраться б в этом состоянии,
вечно покидающем меня!

Миг, дарящий лучшей из отдушин,
хоть его сжимаю что есть сил,
все же не поймет, как он мне нужен...
Сколько раз уже он прочь скользил!

Счастья и покоя сердце просит.
У картины ночи края нет,
но поверить трудно, что не бросит
мир меня, как только вспыхнет свет.

Сделаюсь тогда совсем иною,
но, пока сижу я без огня,
ночь безмерно искренна со мною
и походит многим на меня...

Время, всех соперников упрятав,
сладость одиночества испить
мне дает, тщету других обрядов
позволяя напрочь позабыть.

И, оставив норы забияки,
из сетей убравшись и из сот,
стерши вопросительные знаки,
отдыхаю от дневных забот.

ИСХОД

Я опомнилась – царствует лето,
и цветет виноград. Море света.

Солнце нежное дарит мне милость,
знать не зная, что я заблудилась.

Заплутала, себя позабыла...
В сердце нет уже прежнего пыла.

Снег растаял, следы на нем – тоже...
Этим летом я мерзну до дрожи!

Меня солнце разлуке навстречу
уводило своей сладкой речью.

---

* * *

Как листва, душа у лета вянет,
это понимают муравьи.
На закате прогуляться тянет –
я к нему торю пути свои.

Благодушно окончанье лета,
пальцы солнца – что овечья шерсть.
Снова мне пригрезилось, что это –
все, что было, будет или есть.

Разлилась истома по округе,
ветру шелохнуться не велит.
Я как будто вижу сон о друге –
сон, который друга опалит.

Все жучки, еще пожить желая,
прятаться покуда не спешат.
Поступь дня – неспешная, незлая –
все-таки выводит на закат.

Но и тот мне грусти не навеет –
мне ничуть не верится в Аид...
Коль любить и всей душой лелеять,
мир еще, быть может, постоит.

---

* * *

Посиди со мною, мама,
посиди.
Встреч осталось, знаю, мало
впереди.

Чтоб была я молодою,
чуть коснись
лба врачующей ладонью
и ресниц.

Говорю тебе от сердца:
выручай!
Не давай уйти из детства
невзначай.

Пусть еще приспееет кстати
благодать –
знаю, большей благодати
мне не знать.

Не морочь меня ты, полно,
круг земной!
Мама, ты, хотя б безмолвно,
будь со мной.

Пусть все горести растают
от тепла,
пусть слова в душе возрастают,
как крыла.

Чтобы к небу рваться песням
от земли,
мама, снадобьем чудесным
исцели.

Чтобы быть мне молодой,
вновь приснись
и ко мне слегка ладонью
прикоснись.

Буду я всю жизнь упрямо
повторять:
«Посиди со мною, мама...»
И – опять.

Ах, сегодня не до виршей!
Свет – что дым...
Мы с тобой вдвоем под вишней
вновь сидим.

---

* * *

Мои мысли купаются в детстве —
там, где места для горестей нет.
Ты меня не вобрал в свое сердце,
потому-то не виден твой след.

Детство вышитой розовой тканью
возвращает мне прежний уют, —
там созвездья спешат ко мне с данью,
там кузнечики песни поют.

Земляничные полночь находит
мне в подарок веселые сны;
тихо сказка по комнате бродит,
где все прибрано светом луны.

КРУГОВОРОТ

И в быте есть приметы бытия,
в позвякиванье ложки – отзвук грома...
Оглядываясь, принимаю я
от мира все, что сызмальства знакомо.

Закат прощальным заревом горит,
суля всем видом благость и милость;
частя, об этом сердце говорит:
«Что было суждено, то и случилось...»

Прошу, не повторяй: «В который раз,
как рощица, распахнутая настезь,
ты, пристальных не опуская глаз,
очарованья пору проживаешь?»

Не вяжутся подобные слова
с тем, что на самом деле сочетается
меня и бытие, где я жива
душой, что в почву вечности вращается.

«Умрешь – заплачу», – старшим говорит
идущее на смену поколенью,
почувствовав, внезапно и навзрыд,
как за мгновеньем зыблется мгновенье.

Меж ними я пока что остаюсь:
не старше всех, однако и не младше,
и дорог мне наш тройственный союз,
троеначалье дорого мне наше...

Но сердце все твердит, стуча во тьму:
«Случилось, что должно было случиться, —
теперь ты стала старшей, потому
что в младшей довелось отобразиться».

DEJA-VU

В лучах, как в струнах, ласточки мелькают,
нежнейшую мелодию твоя, –
они нас вдоволь звуками ласкают...
С моей душой встречается твоя.

И ты, чье сердце прежде глухо ныло,
потанцевать вдруг предлагаешь мне.
Мне кажется, что это уже было,
но вот когда? Наверное, во сне.

Мгновенье, светом сотканное наспех,
зависло, как без ветра виснет дым;
шалит оно, нас поднимая на смех
лишь потому, что мы с тобой грустим.

Нет, этот миг стать четче не желает...
Сидим мы молча в солнечных лучах –
нас южный ветер тихо обнимает,
ты смотришь вдаль, но я в твоих очах.

Светило тихо радуется полдню,
ляя на мир томление и лень.
Когда же это было? Я не помню...
Мы снова проживаем тот же день.

---

* * *

Грусть ложится в душу, чувства притихают,
неба край крест-накрест очи обшивают.

Мысль, что так настырна, от меня, отчаясь,
вместе с облаками лучше б ты умчалась.

У осенней хмари не прошу совета –
не хочу, она ведь не дарует света.

Время заплутало – то, чем одарило,
все другим досталось, все когда-то было.

Миг – я принижаюсь, а мгновеньем позже
возвышаюсь снова, с маятником схоже.

Боль меня пронзает – думаю о том, как
будет эта осень увядать в потемках.

Каждый день дарует мне часы для жизни,
но закат беззвучный отбирает мысли.

---

* * *

Ночная лампа мирный свой обряд
творит над нами, ею тишь хранима.
Меня твой настораживает взгляд:
не на меня ты смотришь – смотришь
мимо.

То ночь свою звездною гурьбой,
то знобких занавесок пантомима
влекут твой взор... Хоть я перед тобой,
не на меня ты смотришь – смотришь
мимо.

Со всех сторон к нам горести спешат,
и в комнате от грусти нестерпимо.
Хотя мои слова тебя смешат,
не на меня ты смотришь – смотришь
мимо.

Жалея нас, разъединенных двух,
стучат часы, но время нынче мнимо.
Чего же ты сказать не смеешь вслух,
когда не на меня ты смотришь – мимо?

Сомненья занавески рвут в клочки,
надежды с лампы каплями сочатся,
сплетают сеть минуты-пауки...
И я с тобой не в силах распрощаться!

ЩИТ

Я в осень ухожу, но мне легко,
а лето этим вроде недовольно –
злословит... Но душой я далеко,
и мне от хода времени не больно.

К ответам моя тень меня ведет –
она дает умелые намеки.
Я знаю: будет радости черед,
и важно это знанье, а не сроки.

Листва, что вянет, зря морочит взгляд.
Все стынет не внутри, а лишь снаружи.
Твои слова, как щит, меня хранят,
я их храню, и что мне эти лужи?

ОСЕННЯЯ МОЛЬБА

Осень,
как люблю я тихий звук твоих шагов,
что впотьмах спешат за мною!

Впрочем,
удивляет, как находишь ты меня
даже и за пеленою...

Очень
я прошу тебя, молю: не торопись,
пусть общенье наше длится.

Осень,
понимаешь, у меня так много дел,
что тобой не насладиться.

Осень,
слишком быстро ты меня не оставляй,
что тебе в уходе скором?

Осень,
даже если вдруг исчезнешь навсегда,
появляйся перед взором.

Осень...

---

* * *

Полечи меня, осень, немного.
Хоть не стать мне такой, как в начале,
но пусть в сердце убудет тревога,
пусть щадят мою душу печали.

Перелетным их птицам доверь ты –
за морями им место готово.
Или мало такой будет жертвы,
чтобы юность пришла ко мне снова?

Разгреби моих горестей залежь,
среди них я себе как чужая.
Почему ты меня оставляешь,
безразличьем своим обижая?

Ты вернуть меня можешь на место,
где себя дожидаюсь так долго,
где все празднично, ярко, прелестно,
где нет будней и окриков долга.

Так давай же, сестра моя осень,
обоюдно обиды отринем
и друг друга проститься попросим
с тем, что я называю уныньем.

---

* * *

На горизонт выносит тучу.
Шуршит метла –
она сметает осень в кучу...
Спалю дотла!

Ничуть бы не страдало сердце,
будь ты со мной.
В тебе, своем единовеце,
нашла б покой.

Хотела б поделиться очень,
будь рядом ты,
как мне расписывала осень
свои мечты.

Что для тебя во мне хранится,
как за стеной,
сегодня, к югу правя, птица
берет с собой.

Листву опавшую, как ветошь,
спалю я в дым...
А коль исчезну, не заметишь
лишь ты один.

ГОРЯЩИЕ ЛИСТЬЯ

Пришла пора обид: я поминутно
то с тем, то с этим пребываю в ссоре.
Не тешат обещаниями утра,
и с вечерами тоже я в раздоре.

Со мной теперь в разладе даже осень –
она, как тень моя, со мной враждует.
Корежит листья, коль в костер их бросим...
Смотрю в огонь, и нет желанья думать.

Желанья нет, а жалость – точно жало,
в сомнениях увязшее, как в вате...
Я за грехи себя бы бичевала
так, чтоб сгорало прошлое в закате!

С собою в ссоре, на себя в обиде,
смотрю в огонь, как будто жду ответа,
но все молчит, и в горестной планиде
опять не различаю я просвета.

На самом деле я совсем другая,
но вновь ничем молчанья не нарушу.
Мне кажется: листву в саду сжигая,
я собственную разоряю душу.

---

* * *

Время снега еще не настало,
а вот ты говоришь, что пришло.
Что мне делать, чье сердце летало,
если снегом все сны занесло?

Срок идти самому снегу ведом.
Для меня он еще не идет.
Твой же чужд мне: кружит и при этом
о тебе сновиденья крадет...

---

* * *

Помнишь, говорила я, что в тягость
мне неделя перед снегом первым –
сны о том, что и сама улягусь
я на землю снегом, бьют по нервам?

Помнишь, с белизною я не очень
лажу, славя все цвета палитры?
Я дала понять: мила мне осень...
Или же слова мои забыты?

Грустные стихи мои навряд ли
до конца хоть раз прочел ты честно.
Помнишь, были все леса нарядны?
Не стерпела осень... И – исчезла!

В ТЕНЕТАХ ТЕНЕЙ

Вечер, имя мое тебе трудно ли вспомнить,
что исчезло в закате, сгорело дотла?
Когда тени легли по углам моих комнат,
двери накрепко я на засов заперла.

Здесь есть тени длинней, ну а есть и
короче –
как занятно следить за скрещеньями их.
Пол под ними скрипит, предвещая власть
ночи,
и беспомощен вид языков их немых.

Вечер, вспомни, прошу! Вечер, что тебе
стоит!

Вот от этой из теней меня огради!
Она смотрит в упор и едва ли не стонет –
так и чудятся хрипы в смятенной груди.

И огромную, тяжкую, как из металла,
она голову мне на колени кладет.
О, когда бы я знала, когда бы я знала,
то скрывала бы чувства, как воду под лед!

Вот и ручкой дверной затрясли
«барабашки»,
от противного смеха рождается дрожь.
Вечер мой, не идут тебе эти замашки,
не к лицу тебе то, как себя ты ведешь.

Что-то молвить хочу – речь в гортани
застыла,
а догадка своей простотою разит:
я сама не своя, потому вся квартира
только теням причудливым принадлежит.

...Что ж ты, вечер, стоишь? Я ушла от
заклятья.
Тяготят ли тебя их шальные грехи?
Только тени уже разомкнули объятья,
я от всех их избавилась... Бисмилляхи!

---

* * *

Коль дела твои здесь, на земле, неважны,
ты небесной не сможешь достичь глубины.

В промежуточной области будет висеть
без движенья душа, угодившая в сеть.

Ты лишишься возможности дальше идти,
а обратного не пожелаешь пути.

---

* * *

Когда проснешься, выгляни в окно —
тебя там белый будет ждать покров.
Под мой ты засыпаешь голос, но
уже моих не различаешь слов.

Проснувшись, не спеши скорей вскочить,
чтоб не развеять разом снов черед.
Мой голос усыпляющий — как нить,
которая к рассвету приведет.

Шум крови успокоился, утих.
Какой час? Час чистых сонных нег.
...Бывает, что душой владеет стих,
который выпадает, точно снег.

ЛАБИРИНТ

Шла я в чистое поле –
но об этом забыла.
...По своей ли я воле
двери в дом тот открыла?

В доме множество комнат,
много разного люда,
только лиц нет знакомых –
но и страха покуда.

Ни один, здесь сидящий,
мне не молвит ни слова,
взгляд лишь бросит скользящий –
ответит его снова.

Можно б выйти наружу,
но, вперед все шагая,
тишины не нарушу...
Дверь, за нею – другая.

Если сдамся сомнению,
отступлюсь от задачи, –
от испуга сомлею
перед тем, что там дальше.

Лабиринт в свои сети
завлечет, ввергнет в бездну –
я, как сон на рассвете,
растворюсь и исчезну!

Вот опять дверь открылась,
а за ней – только темень...
Гнев сменяя на милость,
отпусти меня, демон!

Мне не сделать и шагу!
Схлынь с меня, наважденье!
Я теряю отвагу...
Где тот дом? В сновиденье.

---

* * *

Зима...
В побег пуститься, скрыться?
Нет!
Снег – как чистая страница.

Он
все следы вбирает губкой.
Он пал
с лишь сердцу зримых высей...

Мне
нравится, вихляя юбкой,
идти
в снегу походкой лисьей!

Легко
в любой мне из излучин –
весь мир
душе моей созвучен.

Деревья,
что под стать невесте,
не злятся ль,
что стоят на месте?

Одна
среди них порой шагаю,
тихонько
песню напеваю.

Ту песню
назвала я «Завязь».
Она – тебе.
Об этом знаешь?

---

* * *

Ночь мне сказала: «Я умру.
Давай умрем вдвоем.
Погаснут звезды поутру,
качнется окоем.

Рассвет окрасит вопреки
моим желаньям свод
небесный – мне же не с руки
перенести восход...»

Я ночи отвечала: «Ты
воскреснешь скоро вновь.
Пусть солнце льется с высоты,
к луне себя готовь.

И не скучай, покуда день,
пока я занята, –
пройдет дневная дребедень,
покинет суета».

А ночь: «И ты, поверь, умрешь,
ведь звезд – и тех уж нет!»
Но это, я считаю, ложь –
правдив один рассвет.

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий Яропольский. Не там, где тонко, рвется . . . 5

ОГОНЬ И ЛЕД

«По прямому пути я зигзагом пройду...»	21
Меж двух огней	22
«Чье благо или же чье зло...»	23
«Хоть и зренья остро!...»	24
«Как нелепо прожит день...»	25
День и ночь	26
Разрыв	27
«Кто я такая, чтоб себя судить?..»	28
«Сегодняшний мой день...»	30
«В реке я вижу все: и твой портрет...»	32
Поспешные строки	34
«Неумелая? Или хоть что-то...»	35
«Сам разнежившись, нежишь тягуче и страстно меня...»	36
«Если солнце садится...»	37
«Ты словом одним упираешься в землю...»	38
«Надежда – что свет...»	39
«Устлали камни дно моей души...»	40
«Все ложью представляется: и чувства...»	41
Спутник	42
«Прошу: давай с тобою жить в одном...»	44
«Под водой донесу свою душу...»	45
«От любви – до ненастья...»	46
«Жгу одежды, что осквернены...»	48
Только и всего	49
«Снег весной...»	50
«Я учусь быть не столь говорливой...»	51
Завязь	52
Простая песенка	54
«Недоверье, возникшее прежде любви...»	55
«Это чувство то сладостью было...»	56
«За окном жизнь кипит и клокочет...»	57

Огонь и лед	58
«Прошу, скажи об этом мире...»	60
Аритмия	61
«Заветные слова произнести...»	62
«В моих ладонях рассыпаясь в прах...»	63
Мгновенье	64
«Ухожу, потому что стократно...»	65
«Ничего, ничего... Я тебя сберегу...»	66
Определения весны	67
Грань	68
Двойственность	70

НЕБЕСНЫЙ БИСЕР

«На лике неба радуга блистает...»	73
«Поверх заката птицы чертят дуги...»	74
«Движенье вверх не терпит суеты...»	76
«Как трепещет земля...»	77
«Хочешь – в мире пребудь, хочешь – прочь уходи...»	78
«Что за пора пришла?...»	79
«Поднимаюсь так рано я...»	81
«Я была когда-то в этом месте...»	82
«Мольба, которой я...»	83
Поездка к горам	84
В Приэльбрусье	85
«Этот мир, как ничто, моим сердцем любим...»	90
«Отзовись, Русалка! Что ты...»	91
«Оправдай и очисти меня, лето...»	93
«Всех брильянтов души...»	94
«Живы корни всех чувств...»	95
К лету	96
Древесное заклинание	97
«Твой поцелуй трепещет на губах...»	99
«Как лето, что в густой траве таятся...»	100
«Зеленеют поля, а над ними холмы зеленеют...»	101
«Со словом остаюсь наедине...»	102
«Тропинка есть, ведущая отсюда...»	104
«А может, лучше просто заблудиться...»	105
«Дождь сны мои пропитывает влагой...»	106
«Душа моя – не судно на приколе...»	107
«Утешь свое сердце, умасли...»	108

«Мне в путь пора – пусть он лежит в тумане...»	109
«Лишь теперь начинаю ценить...»	110
«Мечты, что светла...»	111
«Как хочу, все, что видится мне, назову...»	112
«Прислушиваясь к собственной душе...»	114
«Что за день такой? откуда?..»	115
Спросонья	116
«Все – то ли правда, то ли ложь...»	117
Перед стихами	118
«За звездой? В никуда?..»	119
Легкость	120
Лестница к Богу	121
«Жила ли я – иль лишь грядет рождение?..»	122

ГУЛ ВРЕМЕНИ

«Чайки крик так протяжен... Мой прадед...»	125
Гул истории	127
«Дай колоску свое промолвить слово...»	129
«Народ мой надеется: то...»	130
«Рассеивается – свет...»	131
«Вечер, ты душе созвучен...»	132
«Растворяется в солнечном свете...»	133
«Почти каждую ночь...»	134
«Воспомяну о со мной не бывшем...»	135
«Я – часть травы, в которой исчезаю...»	136
«Отпущу свои мысли на волю...»	137
«День новый (который забуду)...»	138
«Забываю тебя, забываю...»	139
«Если это лето канет незаметно...»	140
«В моем доме бабочки порхают...»	142
«Солнце, присев у дороги, готово к намазу...»	143
«В прошлом году точно так же, как в этом...»	144
«Тьма, без электричества нагая...»	145
Исход	147
«Как листва, душа у лета вянет...»	148
«Посиди со мною, мама...»	149
«Мои мысли купаются в детстве...»	151
Круговорот	152
Deja-vu	154
«Грусть ложится в душу, чувства притихают...»	155
«Ночная лампа мирный свой обряд...»	156

Щит.	157
Осенняя мольба	158
«Полечи меня, осень, немного...»	159
«На горизонт выносит тучу...»	160
Горящие листья	161
«Время снега еще не настало...»	162
«Помнишь, говорила я, что в тягость...»	163
В тенетах теней	164
«Коль дела твои здесь, на земле, неважны...» ..	166
«Когда проснешься, выгляни в окно...»	167
Лабиринт	168
«Зима... В побег пуститься, скрыться?..»	170
«Ночь мне сказала: «Я умру...»	172

Литературно-художественное издание

Канукова Зарина Саадуловна

ТОНКИЕ СВЯЗИ

Стихотворения

Редактор *Дж. П. Кошубаев*

Художник *И. Я. Кушхова*

Художественный редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *Н. М. Мокаева*

Корректор *Л. Л. Молова*

Компьютерная верстка *М. С. Хульчаевой*

Подписано к печати 10.04.09. Формат 70х90^{1/32}. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл.печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 4,32. Тираж 500 экз.

Заказ № 42

ГП КБР «Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года»

Министерства культуры

и информационных коммуникаций КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33